

УИЛБУР СМИТ

ТЕНИ СОЛНЦА



*Лучший автор
приключенческих романов?
Конечно, Уилбур Смит!*

Стивен Кинг

Уилбур Смит
Тени Солнца

«АСТ»

1965

Смит У.

Тени Солнца / У. Смит — «АСТ», 1965

Конго. Сердце Африки. Страна легендарных алмазных копей, где человеческая жизнь ничего не стоит. Здесь издавна находят славу, богатство, а порой и смерть наемники со всей Европы. Такие, как капитан спецотряда Брюс Керри и три его лейтенанта. Рисковать – их работа. Но на сей раз они ввязались в особо опасную операцию. Чтобы завладеть драгоценными камнями, им предстоит выдержать ночной бой и – мучительный путь через джунгли с отчаянными повстанцами. Что их ждет? Провал – или все-таки удача? Шальные деньги или бесславный конец?..

© Смит У., 1965

© АСТ, 1965

Содержание

1	6
2	12
3	17
4	25
5	31
6	33
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Уилбур Смит

Тени солнца

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо, бесценному сокровищу моей жизни, с бесконечной любовью и искренней признательностью за благословенные годы нашей совместной жизни

Печатается с разрешения литературных агентств Charles Pick Consultancy и Nova Littera Ltd.;

© Wilbur Smith, 1965

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Книга также издавалась под названиями "Наемники", "Обратная сторона солнца"

1

– Мне это не нравится. – Уолли Хендри рыгнул, повозил во рту языком, смакуя вкус, и продолжил: – Попахивает хуже десятидневного трупа.

Вальяжно растянувшись, он лежал на одной из четырех кроватей, удерживая стакан на обнаженном торсе, потном от конголезской жары.

– Мы все равно поедем, нравится тебе это или нет. – Брюс Керри раскладывал бритвенные принадлежности.

Хендри одним глотком осушил стакан.

– Сказал бы, что никуда мы не двинем, а останемся здесь, в Элизабетвиле. Почему ты так не сделал, а?

– Потому что мне платят за то, чтобы я не спорил, – безучастно ответил Брюс.

Он посмотрел на себя в засиженное мухами зеркало над раковиной: загорелое лицо, коротко стриженные черные кудри, четкие брови вразлет, зеленые глаза с темной бахромой ресниц и губы, которые улыбались или кривились. Брюс равнодушно созерцал свое отражение. Он вообще давно не испытывал никаких чувств, и губы его больше не улыбались и не кривились. Не ощущал он и давнишнюю терпеливую нежность к своему носу – большому и крючковатому, который делал лицо не таким миловидным и придавал Брюсу сходство с благородным пиратом.

– Черт побери! – прорычал с кровати Уолли Хендри. – Я сыт по горло этой армией нигеро-го. Я не против боя, но не хочу сто миль продираться сквозь заросли, чтобы утереть соплю горстке убогих беженцев.

– Жизнь не сахар, – рассеянно согласился Брюс и стал наносить на лицо пену для бритья – ослепительно белую на фоне загара. Гладкая кожа блестела, словно натертая маслом; на плечах и груди в такт движениям перекачивались мышцы. Да, он был на пике формы, но и это не приносило ему удовольствия.

– Налей мне еще, Андрэ. – Уолли Хендри сунул свой стакан в руку молодому человеку, сидящему на краешке кровати.

Бельгиец встал и послушно пошел к столу.

– Побольше виски и поменьше пива, – проинструктировал Уолли. Затем повернулся к Брюсу и снова рыгнул. – Вот что я обо всем этом думаю.

Пока Андрэ наливал в стакан виски и пиво, Уолли передвинул на живот потертую кобуру с пистолетом.

– Когда едем? – спросил он.

– Завтра утром у товарного склада будет локомотив с пятью вагонами. Отправимся сразу после загрузки.

Брюс начал бриться, проводя лезвием от виска к подбородку, оставляя полоску чистой загорелой кожи.

– После трех месяцев боев с кучкой грязных гуркхов я надеялся хоть на какой-нибудь отдых... Да черт побери, хоть бы женщину увидеть! А теперь, на второй день после прекращения огня, нас опять куда-то гонят.

– C'est la guerre, – пробормотал Брюс, продолжая бриться.

– Ты о чем? – с подозрением спросил Уолли.

– Это война, – перевел Брюс.

– Говори по-нашему, пижон.

Уолли Хендри, проведя полгода в бельгийском Конго, все еще не понимал ни слова по-французски.

Опять повисла тишина. Раздавалось только еле слышное поскребывание бритвы и тихое звяканье – их четвертый товарищ чистил винтовку.

– Выпей, Хейг, – пригласил его Уолли.

– Нет, спасибо. – Майкл Хейг посмотрел на Хендри, даже не пытаясь скрыть отвращение.

– Еще одна наглая скотина! Не хочешь со мной выпить? Даже благородный капитан Керри со мной пьет. А ты что, особенный?

– Ты же знаешь, я не пью.

Хейг снова занялся своим оружием. Для всех уродливые автоматические винтовки стали словно продолжением тела. Даже во время бритья Брюсу всего лишь стоило опустить руку, чтобы схватить винтовку, прислоненную к стене. Винтовки остальных лежали на полу рядом с кроватями.

– Не пьешь? – хмыкнул Уолли. – А почему у тебя тогда такой странный цвет лица, братишка? И нос как спелая слива?

Губы Хейга напряглись, руки сжали винтовку.

– Прекрати, Уолли, – сказал Брюс спокойно.

– Хейг не пьет! – завопил Уолли и ткнул бельгийца в ребра. – Видал, Андрэ? Он у нас трезвенник, чтоб его! У меня папаня тоже трезвенник – иногда два или три месяца подряд, а потом придет домой и как съездит мамане в харю – аж на той стороне улицы слышно, как у нее зубы хрустят. – Расхохотавшись, он поперхнулся, но, откашлявшись, продолжил: – Могу спорить, что ты именно такой трезвенник, Хейг. Одна рюмка – и проснешься только дней через десять. Всего одна рюмка – и бац! – баба получает по роже, а детишки две недели сидят голодные.

Хейг аккуратно положил винтовку на кровать и посмотрел на Уолли, стиснув зубы. Уолли, ничего не замечая, глумился дальше:

– Андрэ, возьми бутылку с виски и сунь ее под нос нашему трезвеннику Хейгу. Посмотрим, как он изойдет слюной, а глаза выпучатся, как песьи яйца.

Хейг поднялся – широкоплечий, с мускулистыми боксерскими руками. Ему было уже за пятьдесят – вдвое старше Уолли. В волосах проступила седина, а черты лица еще не утратили быллой утонченности, хоть жизнь его и потрепала.

– Пора поучить тебя хорошим манерам, Хендри. Вставай.

– Танцевать, что ли, хочешь, или как? Я не вальсирую – это к Андрэ. Он с тобой станцует. Правда, Андрэ?

Хейг стоял со сжатыми кулаками.

Брюс Керри положил бритву на полочку над раковиной и, не смыв с лица пену, тихо двинулся в обход стола и занял выжидательную позицию, готовый в любой момент вмешаться и остановить ссору.

– Вставай, грязный оборванец.

– Ого, Андрэ, слышал? Сладко поет, ой как сладко.

– Я тебе вправлю твою грязную рожу туда, где должны были быть мозги!

– Шутки пошли! Да он настоящий комик! – Уолли рассмеялся, но как-то натянуто.

Брюс понял, что Уолли драться не будет, хоть у него и здоровые руки, мускулистая грудь, заросшая рыжими волосами, мощный пресс и толстая шея. Нет, драться он не будет. Брюс был озадачен. Он помнил ночь у моста и знал, что Хендри не трус. Однако, судя по всему, Уолли не собирался принимать вызов Хейга.

Майк Хейг двинулся к кровати.

– Оставь его, Майк, – заговорил Андрэ мягким, почти девичьим, голосом. – Это шутка, он же не всерьез.

– Хендри, ты ошибаешься, если думаешь, что я джентльмен и не смогу ударить лежачего.

– Прекрасно, – пробормотал Уолли. – Этот парень не только шутит, но еще и геройствует.

Стоя над ним, Хейг поднял правый кулак, похожий на кувалду, и нацелил его в лицо Уолли.

– Хейг! – Брюс не повысил голоса, но его тон обуздал старшего товарища. – Хватит.

– Эта грязная свинья...

– Да, я знаю, – перебил Брюс. – Отстань от него.

Майк Хейг помедлил, не опуская кулака. В комнате снова стало тихо. Над головами громко хлопнула крыша из гофрированного железа – на полуденной жаре она расширялась и коробилась. Было слышно, как учащенно дышит Хейг, которому кровь бросилась в лицо.

– Майк, перестань, – прошептал Андрэ. – Он ведь просто так.

Ярость Хейга сменилась отвращением, он опустил занесенную руку и, повернувшись, взял с соседней кровати свою винтовку.

– Больше не могу терпеть вонь в этой комнате. Подожду тебя в грузовике, Брюс.

– Я скоро, – отозвался Брюс, когда Майк уже подошел к двери.

– Не испытывай судьбу, Хейг, – крикнул ему вдогонку Уолли. – В следующий раз так просто не отделаешься.

Майк Хейг резко обернулся, но Брюс положил руку ему на плечо.

– Не обращай внимания, Майк, – сказал он и закрыл за другом дверь.

– Ему чертовски повезло, что он старик, – проворчал Уолли. – А то я бы его так отделал...

– Несомненно, – согласился Брюс. – Ты поступил благородно, отпустил с миром.

Пена у него на лице уже высохла, и он намочил кисточку, чтобы снова нанести мыло.

– Ага. Не мог же я ударить старика, правда?

– Да уж. – Брюс слегка улыбнулся. – Не волнуйся, ты его так напугал, что он больше не сунется.

– Пусть только попробует! – запальчиво воскликнул Хендри. – В следующий раз убью!

«Не убьешь, – подумал Брюс. – Ты отступишь, как сейчас и как десять раз до этого. Ты отступаешь только передо мной и Майком. Так зверь рычит на своего дрессировщика, но приседает и съезживается, когда тот щелкает бичом».

Он продолжил бритье.

Из-за невыносимой жары в комнате было трудно дышать. Кислый запах пота смешивался с сигаретным дымом и парами спиртного.

– Куда вы с Майком идете? – прервал Андрэ затянувшуюся паузу.

– Попробуем раздобыть провиант и боеприпасы в дорогу. Потом отвезем на пакгауз, а Раффи поставит там вооруженную охрану.

Брюс наклонился над раковиной и плеснул в лицо водой.

– Надолго едем?

Брюс пожал плечами:

– На неделю или дней десять. – Он присел на кровать, натянул ботинок. – Это если не будет неприятностей.

– Каких неприятностей? – переспросил Андрэ.

– От Мсапы и дальше все кишмя кишит балуба.

– Так мы же на поезде, – запротестовал Андрэ. – А у них только луки и стрелы.

– Андрэ, нам нужно пересечь семь рек – из них одна довольно крупная. Мосты очень легко уничтожить, а рельсы разобрать. – Брюс завязывал шнурки. – Вряд ли нас ждет школьный пикник.

– Черт. Все это дурно пахнет, – мрачно повторил Уолли. – Зачем нам туда ехать?

– Затем, – терпеливо стал объяснять Брюс, – что население Порт-Реприва уже три месяца отрезано от остального мира. Там женщины и дети. У них кончается еда и другие предметы первой необходимости. – Брюс закурил сигарету и, выпустив дым, продолжил: – Район в кольце бунтующих балуба, которые без разбора жгут, насилуют и убивают. На город они еще не напа-

дали, но за этим дело не станет. Ходят слухи, что мятежные отряды гарнизона центрального Конго и некоторые из наших частей объединились в банды хорошо вооруженных партизан – шуфта. Они зверствуют в северных районах. Никто точно не знает, что там делается. Мы должны вывезти мирных жителей в безопасное место.

– А почему ООН не вышлет самолет? – спросил Андрэ.

– Нет посадочной полосы.

– А вертолет?

– Не долетит.

– Вот пусть эти ублюдки там и остаются. Я туда не полезу, – проворчал Уолли. – Если балуба хочется человечинки, кто мы такие, чтобы отвлекать их от еды? Есть все хотят. И пусть едят. Только не меня.

Он поставил ногу на спину Андрэ и с силой выпрямил, столкнув бельгийца с кровати. Тот упал на колени.

– Иди найди мне красотку.

– Там никого нет, Уолли. Я тебе лучше налью еще виски.

Андрэ встал и потянулся за пустым стаканом, но Хендри перехватил его руку.

– Я сказал «красотку», а не «виски».

– Я не знаю, где их искать, Уолли, – отчаянно запротестовал Андрэ. – Я не знаю, что им говорить.

– Тупой ты парень. А если я тебе руку сломаю? – Уолли стал медленно выкручивать ему запястье. – Ты же не хуже меня знаешь, что внизу в баре их полно. Ведь знаешь же?

– Но что мне им сказать? – Андрэ скорчился от боли.

– Черт тебя подери, безмозглый лягушатник! Просто махни им купюрой, и даже рта раскрывать не придется.

– Уолли, больно же!

– Да что ты? Шутишь.

Уолли улыбнулся, продолжая выкручивать руку. Он смотрел мутным пьяным взглядом и явно получал удовольствие.

– Так ты пойдешь, приятель? Решай: или приводишь мне красотку, или я ломаю тебе руку.

– Хорошо, если ты так хочешь, я пойду. Пожалуйста, пусти, я пойду, – простонал Андрэ.

– Вот и славно.

Уолли выпустил бельгийца, и тот выпрямился, потирая руку.

– Смотри, чтоб была чистая и не старая. Слышишь?

– Да, Уолли. Я найду.

На лице Андрэ застыла страдальческая гримаса – и не только из-за физической боли. Он направился к двери.

«Что за интересные существа, – подумал Брюс, – и я один из них, но все равно не с ними. Я наблюдатель, и у меня они вызывают недовольство не больше, чем плохая пьеса».

Андрэ вышел.

– Еще выпьешь, братишка? – развязно предложил Уолли. – Я даже тебе налью.

– Спасибо, – ответил Брюс и стал натягивать второй ботинок.

Уолли протянул ему стакан. Брюс сделал глоток: крепкий коктейль, вот только чуть прелый вкус виски плохо сочетается с мягкой сладостью пива. Что ж, пришлось выпить.

– Мы с тобой, – сказал Уолли, – сильные люди. Мы пьем, потому что хотим, а не потому что вынуждены. Мы живем как хотим, а не по чьей-то указке. У нас с тобой много общего, Брюс. Нам надо подружиться, раз уж мы так похожи.

Алкоголь уже начал действовать – язык слегка заплетался.

– Конечно, мы друзья. Ты для меня один из самых близких, Уолли. – Брюс говорил серьезно, без всякого сарказма.

– Не шутишь? – горячо спросил Уолли. – Черт, я всегда думал, что ты меня недолюбливаешь. Никогда не загадаешь наперед, правда? – Он с удивлением покачал головой, расчувствовавшись от виски. – Правда, я тебе нравлюсь? Мы могли бы быть товарищами. Как тебе, Брюс? Каждому нужен товарищ. Каждому нужно надежное плечо.

– Конечно, – сказал Брюс. – Мы товарищи. Как тебе, а?

– Здорово, братишка! – кивнул Уолли с глубоким чувством.

«А я ничего не чувствую, – подумал Брюс, – ни отвращения, ни сожаления – ничего. Так ты в безопасности. Тебя нельзя ни разочаровать, ни возмутить, ни расстроить. Тебя нельзя снова уничтожить».

Оба подняли головы, когда в комнату вошел Андрэ, ведя девушку. У нее было маленькое курносое лицо и чувственные, ярко накрашенные губы – рубин на янтаре.

– Прекрасно, Андрэ, – заплодировал Уолли, рассматривая девушку – миловидную, на высоких каблуках и в коротком розовом платье с широкой пышной юбкой, не доходившей до колен. – Заходи, цыпочка.

Уолли протянул ей руку, и девушка не колеблясь подошла к нему, сияя профессиональной улыбкой. Хендри усадил ее рядом с собой на кровать.

Андрэ все еще стоял в дверях. Брюс надел камуфляжную куртку, застегнул потертый ремень и сдвинул кобуру с пистолетом на бедро.

– Уходишь?

Уолли поил девушку из своего стакана.

– Да.

Брюс нахлобучил на голову панаму: красно-зелено-белая эмблема войск Катанги на тулье придавала ему опереточный вид.

– Останься, ну же, Брюс.

– Меня ждет Майк.

Брюс взял винтовку.

– К черту его. Останься, повеселимся.

– Нет, спасибо.

Брюс пошел к двери.

– Эй, Брюс. Взгляни-ка.

Уолли опрокинул девушку на кровать и прижал ее рукой. Девушка игриво сопротивлялась. Другой рукой он задрал ей платье выше талии.

– Посмотри хорошенько и скажи, что ты все еще хочешь уйти!

Под платьем девушка была абсолютно голая, неприятно выпирала округлость гладко выбритого лобка.

– Давай, Брюс! – загоготал Уолли. – Ты первый. И не говори, что я тебе не товарищ.

Брюс взглянул на девицу. Хихикая, она сучила ногами и извивалась всем телом, борясь с Уолли.

– Мы с Майком вернемся к началу комендантского часа. Чтобы этой женщины здесь уже не было, – сказал Брюс.

«Нет и желания, – подумал он, глядя на девицу. – Все кончено». Он открыл дверь.

– Керри! – крикнул Уолли. – Ты еще и придурок. Я то думал, ты мужчина, черт побери, а ты такой же, как все! Андрэ – куколка. Хейг – пьянчуга. А ты что? С бабами проблемы? Да ты не мужик!

Брюс закрыл дверь, постоял в коридоре и усилием воли отвратил от себя жало издевки, прошедшей сквозь пробойну в броне.

«Все кончено. Она меня больше не тронет», – решительно сказал он себе и вспомнил женщину – не ту, которую привели в комнату, а свою бывшую жену.

– Сука, – прошептал он и быстро с виноватым видом добавил: – Ненависти нет. И желания тоже.

2

Вестибюль гостиницы «Гранд-отель Леопольд II» кишел народом. Рядовые хвастливо выставляли напоказ свое оружие, громко разговаривали и оглушительно смеялись, наваливаясь на стойку бара; с ними были женщины с кожей всех оттенков – от черного до светло-коричневого. В стороне стояли несколько бельгийцев с ошеломленным взглядом: беженцы, сразу видно. Одна женщина плакала, укачивая на руках младенца. Белые в гражданской одежде, с настороженными, беспокойными глазами, выдававшими в них искателей приключений, разговаривали с одетыми в деловые костюмы африканцами. Небольшая группа журналистов терпеливо, словно стая стервятников, сидела за столом и выжидала.

Все взмокли на жаре.

Два южноафриканца – пилоты чартерных рейсов – окликнули Брюса с другого конца зала.

– Привет, Брюс. По стаканчику?

– Дейв, Карл, – помахал им Брюс. – Сейчас спешу, давайте вечером.

– Мы днем вылетаем. – Карл Энгельбрехт покачал головой. – Назад только на следующей неделе.

– Ладно, договорились, – кивнул Брюс и вышел из гостиницы на авеню дю Касаи. Слепящий свет, отразившись от выкрашенных в белый цвет домов, ударил в лицо. Брюс поморщился от нахлынувшей жары и почувствовал, как тело под камуфляжем вновь стало покрываться потом. Он вынул из нагрудного кармана темные очки, надел их и направился через улицу к трехтонке-«шевроле», где ждал Майк Хейг.

– Я поведу, Майк.

– Ладно.

Майк перелез на соседнее сиденье, и, взобравшись в кабину, Брюс повел грузовик по авеню дю Касаи строго на север.

– Извини за сцену, Брюс.

– Ничего, все живы.

– Зря я вышел из себя.

Брюс не ответил, оглядывая брошенные дома по обеим сторонам дороги. Многие были разграблены, а на стенах виднелись следы от шрапнели. Время от времени вдоль тротуара попадались обгоревшие остовы автомобилей, словно панцири погибших жуков.

– Надо было не обращать внимания, но правда чертовски жжется...

Брюс молча выжал педаль газа, и грузовик набрал скорость.

«Я не хочу слушать. Я тебе не духовник, я не хочу слушать».

Он свернул на авеню Л'Этуаль и направил машину к зоопарку.

– Уолли прав, насквозь меня видит, – не отставал Майк.

– У каждого свои скорби, иначе нас бы здесь не было, – заметил Брюс и добавил, чтобы поднять Майку настроение: – Мы горсточка счастливых, братьев.

Майк неожиданно улыбнулся, совсем по-мальчишески.

– По крайней мере мы – наемники – имеем честь принадлежать ко второй древнейшей профессии.

– Древнейшая профессия лучше оплачивается и приносит больше удовольствия, – сказал Брюс и повернул руль. Подведя грузовик к двухэтажному зданию, он припарковался у входа и выключил мотор.

Еще недавно здесь жил главный бухгалтер горнорудной компании «Юнион миньер дю О-Катанга»; сейчас в доме квартировало подразделение «Д» войск спецназа под командованием капитана Брюса Керри.

Человек шесть чернокожих рядовых сидели в тени на террасе и, когда Брюс поднялся по лестнице, прокричали приветствие, ставшее традиционным после введения войск ООН:

– ООН – merde¹!

Брюс улыбнулся. За последние месяцы между ними установились товарищеские отношения.

– А, сливки армии Катанги!

Он угостил рядовых сигаретами, обмолвился парой слов, а потом спросил:

– Где сержант-майор?

Один из солдат указал на стеклянную дверь, ведущую в гостиную, и Брюс с Майком прошли внутрь.

На дорогой мебели в беспорядке было навалено снаряжение, из камина торчали пустые бутылки, один солдат храпел, растянувшись на персидском ковре, картина на стене, прорванная штыком, висела косо, а кофейный столик из пробкового дерева припал, как пьяный, на сломанную ногу. В комнате пахло мужчинами и дешевым табаком.

– Привет, Раффи, – сказал Брюс.

– Как кстати, босс. – Не помещавшийся в кресле сержант-майор Раффараро радостно улыбнулся. – Эти чертовы арабы все выпили.

Он кивнул на солдат, столпившихся вокруг его стола. «Арабом» вне зависимости от национальности Раффи называл любого в знак презрения или неодобрения. Речь Раффи всегда приводила Брюса в замешательство. Никак нельзя было ожидать, что такая чернокожая громадина вдруг загремит чистым американским выговором. Три года назад Раффи вернулся из Штатов со знанием языка, дипломом агронома, чудовищной любовью к бутылочному пиву (желательно «Шлиц», но другое тоже не помешает) и жестокой формой гонореи – прощальным подарком светлокожей мулатки, второкурсницы Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Воспоминания об этом одолевали Раффараро, а после выпивки – особенно болезненно. Успокоиться он мог, только если метнет подальше какого-нибудь гражданина Соединенных Штатов. Едва ничего не подозревающий американец и пять-шесть галлонов пива одновременно оказывались в непосредственной близости от Раффи, в сержант-майоре пробуждалась дремавшая расовая неприязнь и находила выход, что являло незабываемое зрелище и для потерпевших, и для зрителей. Однажды вечером в отеле «Лидо» Брюс стал свидетелем одного из самых виртуозных бросков Раффи.

В тот раз жертвами оказались трое журналистов известных изданий. Ближе к вечеру они беседовали все громче, а благодаря тому, что американский выговор доносился до присутствующих со скоростью хорошо пущенного мяча для гольфа, Раффи услышал его с другого конца зала. Он молча выхлебал последний, необходимый для баланса галлон пива, утер пену с верхней губы и встал, не отводя глаз от американцев.

– Раффи, подожди. Стой!

Сержант-майор, будто не слыша окликов, направился через зал. Американцы заметили его и смущенно притихли.

Первая попытка оказалась тренировочной: парень не отвечал аэродинамическим требованиям из-за большой сопротивляемости своего живота. Бросок на двадцать футов.

– Раффи, оставь их в покое! – крикнул Брюс.

К следующей попытке Раффи уже разогрелся, но взял слишком высоко. Дальность полета – тридцать футов. Журналист пролетел через весь зал и приземлился на лужайке у входа, все еще сжимая в руке стакан.

– Беги, идиот! – предостерег Брюс третьего недотепу, но того словно парализовало.

¹ Дерьмо (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

На этот раз Раффи превзошел себя. Он ухватил «снаряд» поудобнее – за шиворот и ремень брюк – и размахнулся со всей силы. Должно быть, он осознавал, что это его лучший бросок, потому что сопровождал попытку торжествующим криком «Гонор-р-р-рея!»

Позже Брюс успокоил американцев. Те пришли в себя и, осознав, что им оказана великая честь быть причастными к установлению рекорда в метании, принялись мерить шагами дальность полетов. Проникнувшись к Раффи почти собственническим чувством, они целый вечер угощали его пивом и хвастались каждому новому посетителю. Один из американцев – тот, которого швырнули последним и дальше всех, – захотел написать статью о Раффи и сопроводить ее фотографиями. К концу вечера он вдохновенно разглагольствовал о том, что нужно включить метание людей в программу Олимпийских игр.

Раффи со скромной признательностью принимал и похвалу, и пиво. Один из американцев даже предложил метнуть его еще раз, однако сержант-майор отказался – мол, он никогда не метает одного человека дважды. Короче говоря, вечер удался.

В общем, несмотря на отдельные досадные недоразумения, Раффи обладал крепчайшим телом и вполне здоровым духом и потому был симпатичен Брюсу.

Вот и сейчас, когда Раффи предложил сыграть в карты, Керри не смог удержаться от улыбки.

– Сейчас есть дело. Как-нибудь в другой раз.

– Садитесь, босс, – повторил Раффи, и Брюс, скорчив покорную гримасу, опустился на стул напротив.

– Сколько поставите? – спросил Раффи, подаваясь вперед.

– Un mille. – Брюс достал банкноту в тысячу франков. – Вот проиграю – и пойдем.

– Спешки нет, – успокоил Раффи, выкладывая три карты рубашкой вверх. – У нас целый день. Славный христианский монарх где-то здесь. Отгадайте где – и mille ваша.

– В середине, – прошептал стоящий за спиной Брюса солдат. – Вон он.

– Не обращайтесь внимания на этого безумного араба. Он с утра уже пять тысяч проиграл, – заметил сержант-майор.

Брюс перевернул правую карту.

– Не повезло, – позлорадствовал Раффи. – Вам досталась дама червей – дама сердца. – Он взял банкноту и засунул ее в нагрудный карман. – Она уж постарается вас провести, эта сладколицая сучка. – Улыбаясь, он перевернул среднюю карту – валета пик с хитрыми глазами и изящно подкрученными усиками. – Вот, спала с валетом прямо под носом у короля. – Он перевернул третью карту. – А сонный старикан смотрит совсем не туда.

При виде карт Брюса замутило. Все сошлось; только дама его сердца не обладала таким невинным взглядом, а «валет» носил бороду и водил красный «ягуар».

– Все, хватит, Раффи, – резко сказал Брюс. – Возьми десяток солдат и пойдем со мной.

– Куда?

– На склад, раздобыть кое-какое снаряжение.

Раффи засунул колоду в карман и стал отбирать рядовых. Потом обратился к Брюсу:

– Не мешало бы взять топлива, как считаете, босс?

Брюс помедлил с ответом. От дюжины сворованных в августе ящиков выпивки осталось всего два, а бутылка настоящего шотландского виски обладала такой большой покупательной способностью, что Брюс использовал спиртное только в исключительных обстоятельствах. Впрочем, сейчас ему стало ясно, что без взятки интенданту вероятность получить на складе необходимое снаряжение стремится к нулю.

– Ладно, Раффи. Принеси ящик.

Раффи встал из-за стола и нахлобучил на голову стальной шлем – завязки болтались по обе стороны черного круглого лица сержант-майора.

– Цельный ящик? – Он улыбнулся Брюсу. – Хотите купить военный корабль?

– Почти, – ответил Брюс. – Давай неси.

Раффи исчез в глубине дома и вскоре появился, неся под мышкой ящик виски «Грантс Стендфаст» и прихватив за горлышки шесть бутылок пива «Симба».

– Вдруг жажда замучает, – объяснил он.

Солдаты, клацая оружием, забрались в кузов грузовика. Им вслед неслась веселая брань товарищей, оставшихся на террасе. Брюс, Майк и Раффи залезли в кабину, и Раффи, засунув ящик с виски себе под ноги, оперся на него огромными ботинками.

– А что случилось, босс? – спросил он.

Брюс вывел грузовик из переулка и, свернув на авеню Л'Этуаль, принялся рассказывать. Раффи выслушал, буркнул что-то непонятное и открыл бутылку пива крепкими, как долото, белыми зубами. С легким шипением пена потекла по стеклу и закапала Раффи на колени.

– Моим ребятам это не понравится, – сказал он, протягивая открытую бутылку Майку Хейгу. Майк покачал головой, и Раффи передал пиво Брюсу. Открыв еще одну бутылку, сержант-майор продолжил: – А еще хуже будет, когда мы доберемся до Порт-Реприва и заберем алмазы.

Вздвигнув, Брюс искоса взглянул на него:

– Какие алмазы?

– Выкопанные, – ответил Раффи. – Вы что, решили, что нас посылают спасти поселенцев? Все из-за алмазов, точно говорю!

Внезапно прояснилось многое из того, чего Брюс прежде не понимал. В памяти всплыл почти забытый разговор с инженером из «Юнион миньер». Они говорили про три земснаряды, которые выкапывали гравий со дна болот по берегам Луфиры. Суда базировались в Порт-Реприве и, конечно, вернулись туда при первой же тревоге. Они все еще там, с полным грузом алмазов, добытых за три или четыре месяца. Это примерно полмиллиона фунтов стерлингов неграненых камней. Вот почему правительство Катанги возлагало столь большие надежды на эту экспедицию, вот почему задействованы такие мощные силы и вот почему для проведения спасательной операции не стали обращаться к командованию миротворческого контингента ООН.

Брюс саркастически усмехнулся, вспомнив, какие «гуманитарные» доводы приводил ему министр внутренних дел: «Это наш долг, капитан Керри. Мы не можем оставить поселенцев на сомнительную милость туземцев. Это наш долг как цивилизованных людей».

Связи со многими отдаленными миссиями и государственными учреждениями Катанги и южной части провинции Касаи не было многие месяцы, никаких новостей оттуда не поступало, но благополучие тамошних жителей почему-то заботило правительство гораздо меньше, чем положение дел в Порт-Реприве.

Брюс отхлебнул пива, удерживая руль одной рукой, и взглянул поверх бутылки на дорогу. «Ладно, привезем мы груз, его упакуют в ящик для патронов – и на самолет. А потом счет в Цюрихе пополнится солидной суммой. Так о чем беспокоиться? Мне хорошо платят».

– Думаю, не стоит говорить моим ребятам про алмазы, – печально сказал Раффи.

Брюс притормозил и въехал в промышленную зону близ железной дороги. Он всматривался в каждое проплывающее мимо здание, пока наконец не увидел нужное ему. Он свернул с дороги и, остановив машину у входа, пару раз нажал на клаксон. Вышел солдат, тщательно проверил пропуск и что-то крикнул охранникам. Ворота открылись. Брюс завел грузовик во двор и выключил двигатель.

Во дворе стояло несколько грузовиков, украшенных гербом Катанги и окруженных солдатами в мокрой от пота форме. Из одной кабины высунулся лейтенант:

– Чао, Брюс!

– Как дела, Серджио? – откликнулся Брюс.

– Ужасно! Ужасно!

Брюс улыбнулся. Итальянцу все казалось ужасным. Брюс вспомнил, как в июле, в разгар боя у моста, он повалил лейтенанта на капот джипа и штыком выковырял осколок шрапнели из волосатой задницы итальянца. Это тоже было ужасно.

– Ладно, еще увидимся, – махнул ему Брюс и повел Майка и Раффи через двор к зданию склада.

На большой двустворчатой двери висела табличка «Dйрyт Ordinance – Armйе du Katanga»². В кабинете за столом, отделенным стеклянной перегородкой, сидел похожий на жизнерадостную черную жабу майор в круглых, как у Ганди, очках со стальными дужками. Он поднял голову.

– Non³, – решительно сказал он. – Non, non.

Брюс достал листок заявки и положил его перед майором. Тот презрительно оттолкнул его в сторону.

– У нас этого нет, все закончилось. Ничем не могу помочь. Не могу! Порядок нарушать нельзя. К тому же надо учитывать обстоятельства. Нет, извините.

Он схватил со стола пачку бумаг и, отвернувшись от Брюса, углубился в их изучение.

– Заявка подписана господином президентом, – негромко сказал Брюс.

Майор отложил бумаги и, выйдя из-за стола, подошел вплотную к Брюсу. Его макушка доходила капитану лишь до подбородка.

– Да хоть самим Всемогущим! Извините, ничем помочь не могу.

Брюс прошелся глазами по горам оборудования и снаряжения, занимавших все пространство склада. Со своего места он разглядел по меньшей мере штук двадцать нужных ему предметов. Майор заметил это и так возбужденно и быстро залопотал на французском, что Брюс улавливал лишь часто повторяющееся слово «Non». Он многозначительно взглянул на Раффи. Тот вышел вперед и, успокаивающе приобняв майора за плечо, повел его, все еще упиравшегося, во двор к грузовику. Открыв дверцу кабины, Раффи продемонстрировал майору ящик виски, штыком поддел крышку и позволил майору проверить печати на пробках.

Через несколько минут майор и Раффи вернулись в кабинет. Сержант-майор нес ящик.

– Капитан, – сказал майор, взяв со стола заявку, – я понял, что ошибался. Она действительно подписана господином президентом. Мой долг – предоставить вам внеочередной приоритет. – Брюс пробормотал спасибо, и майор широко улыбнулся. – Я дам вам своих людей в помощь.

– Вы очень любезны, но не стоит отрывать их от неотложных дел. У меня есть люди.

– Отлично, – обрадовался майор и обвел помещение пухлой ручкой: – Берите что нужно.

² Общий отдел – Армия Катанги (фр.).

³ Нет (фр.).

3

Брюс взглянул на часы. До конца комендантского часа – до шести утра – оставалось двадцать минут. Все это время он вынужден был смотреть, как Уолли Хендри завтракает. Зрелище малопривлекательное – Хендри ел методично, но неаккуратно.

– Ты можешь есть с закрытым ртом? – не выдержал Брюс, не в силах больше терпеть.

– Без твоих советов обойдусь! – Хендри оторвался от тарелки. Утыканный рыжей щетиной подбородок и воспаленные, распухшие глаза напоминали о вчерашней оргии.

Брюс отвел взгляд и снова посмотрел на часы.

Огромных усилий стоило не поддаться безумному искушению и не отправиться на станцию немедленно. Если рискнуть, то в лучшем случае будет арест и двенадцать часов задержки, пока все разрешится. В худшем – стрельба и несчастный случай.

Он налил себе еще одну чашку кофе и медленно отпил. «Нетерпение – моя слабость, – подумал он. – Все мои ошибки из-за него. Хотя с возрастом я все-таки изменился к лучшему: в двадцать лет хотел прожить жизнь за неделю, а теперь и за год сойдет».

Допив кофе, Брюс вновь сверился с часами. Без пяти шесть, уже можно – как раз до грузовика дойти.

– Надеюсь, вы готовы, господа.

Он оттолкнул стул, взял рюкзак и, закинув его на плечо, вышел из комнаты.

Раффи сидел на груде камней в одном из ангаров из гофрированного железа. Его солдаты, разведя с десятков небольших костров на бетонном полу, готовили завтрак.

– Где поезд?

– Хороший вопрос, босс, – оценил Раффи.

– Он давно уже должен быть здесь, – со стоном заметил Брюс.

– «Должен быть» совсем не то, что «есть», – пожал плечами сержант-майор.

– Черт! – не выдержал Брюс. – А нам еще грузиться. Теперь раньше полудня точно не уедем. Пойду к начальнику станции.

– Лучше с подарком, босс. У нас еще остался ящик.

– Нет, черт побери! – прорычал Брюс. – Майк, пошли со мной.

Вместе они перешли пути и вскарабкались на главный перрон, где оживленно беседовала группа железнодорожных служащих. Брюс с яростью на них обрушился.

* * *

Два часа спустя состав, пыхтя, направлялся к складскому двору. Брюс стоял на подножке кабины машиниста.

– Monsieur⁴, вы ведь не в Порт-Реприв? – обеспокоенно спросил темнокожий коротышка-машинист, сверкнув белыми зубами и ярко-красным пластиком десен вставной челюсти.

– Именно туда.

– Ничего не известно о качестве путей. Туда вот уже четыре месяца транспорт не ходит.

– Я знаю. Будем продвигаться осторожно.

– Рядом со старым аэродромом на железной дороге стоит пост ООН, – возразил машинист.

⁴ Господин (фр.).

– У нас пропуск есть. – Брюс ободряюще улыбнулся. Его плохое настроение испарилось, как только он получил средство передвижения. – Останови возле первого ангара.

Тормоза зашипели, и состав замер у бетонного перрона. Брюс соскочил с подножки.

– Ну, Раффи, за дело! – крикнул он.

Первыми в составе Брюс поставил три открытые товарные платформы с бронированными бортами – их легче оборонять. Из-за бортов, доходивших до груди, ручными пулеметами «брен» простреливался бы перед и фланги. Затем следовали два пассажирских вагона – там будет каптерка и помещение для офицеров, а на обратном пути там разместятся беженцы. Наконец, последним шел локомотив – в конце поезда он менее уязвим, да и не дымит на весь состав.

Припасы загрузили в четыре купе и наглухо закрыли окна и двери. Затем Брюс принялся за устройство обороны. На крыше одного из вагонов он поместил пулемет, окружив его мешками с песком, и организовал себе пост, откуда хорошо просматривались открытые платформы, локомотив и, конечно же, окрестности. Остальные пулеметы он поставил на переднюю платформу и поручил командование Хендри. Взятые со склада три новые рации Керри распределил так: одну отдал машинисту, вторую Хендри, а третью оставил себе. Связь обеспечена.

К полудню приготовления завершили, и Брюс повернулся к Раффи, который сидел рядом с ним на мешках с песком:

– Все?

– Все, босс.

– Скольких нет?

Брюс знал по опыту, что никогда все сразу не собираются.

– Восьмерых, босс.

– Как, еще трое? Значит, у нас только пятьдесят два человека. Как ты думаешь, эта тройка тоже рванула в лес?

Пятеро из его солдат дезертировали с оружием в день прекращения огня. Видимо, они присоединились к одной из банд шуфта, которые разбойничали на дорогах, атаковали из засады неохраемый транспорт, при любой возможности насиловали. Редкие счастливики из пленных отделялись побоями, а те, кому повезло меньше, становились трупами. В общем, бандиты хорошо проводили время.

– Нет, босс. Эти трое – хорошие ребята. Они, наверное, развлекаются в *cité indigène*⁵ и совсем забыли о времени. – Раффи покачал головой. – Мы их найдем за полчаса, только надо обойти все бордели. Выполнять?

– Отставить. Некогда. Нам засветло нужно быть на Мсапе. Ну ничего, вот вернемся и заберем их.

«Интересно, – подумал Брюс, – когда еще в армии со времен англо-бурской войны так спокойно относились к дезертирству?»

Он взял рацию и нажал кнопку приема.

– Машинист.

– *Oui, monsieur*⁶.

– Трогай, только медленно. Остановишь состав недалеко от поста ООН.

– *Oui, monsieur*.

Состав плавно выехал со складского двора, постукивая на стрелках. Справа остался промышленный квартал, где на перекрестке авеню дю Симетьер стояли вооруженные часовые армии Катанги. Через некоторое время поезд проехал окраины, и впереди замаячил пост ООН. Внутри Брюса нарастало беспокойство. Пропуск, который лежал у него в кармане, был подпи-

⁵ Ближайший городок (*фр.*).

⁶ Да, господин (*фр.*).

сан генералом Ри Сингхом. Раньше на этой войне еще никогда не передавали приказы индийского генерала ирландскому сержанту через суданского капитана. Прием обещал быть неравнодушным.

– Я надеюсь, что они про нас знают.

Майк с деланным безразличием закурил сигарету, внимательно и тревожно вглядываясь в кучи свежей земли по обе стороны путей – места огневых позиций.

– У этих ребят есть базуки, а сами они ирландские арабы, – пробормотал Раффи. – Из всех арабов самые сумасшедшие – ирландцы. Не хотите получить из базуки в глотку, босс?

– Нет, спасибо, Раффи, – отказался Брюс и нажал кнопку рации. – Хендри!

На головной платформе Уолли Хендри взял аппарат и, держа его на уровне груди, оглянулся на Брюса.

– Керри?

– Прикажи канонирам отойти от пулеметов, а остальным положить винтовки на пол.

– Есть.

Уолли стал пробираться по платформе, отталкивая солдат от бортов. Брюс чувствовал напряжение, навалившееся на поезд, смотрел, как его люди неохотно кладут на пол винтовки и стоят с пустыми руками, угрюмо глядя на приближающийся пост ООН.

– Машинист! – вновь сказал Брюс в рацию. – Снизь скорость. Остановись в пятидесяти метрах от поста. Если будет хоть один выстрел, открывай дроссель и несись мимо них на полной мощности.

– Oui, monsieur.

Похоже, что навстречу поезду делегацию не выслали. Виднелось только зловещее ограждение из кольев и бочек из-под горючего на путях.

Стоя на крыше, Брюс спокойно поднял руки над головой в знак мирных намерений – и напрасно. Жест словно вывел его солдат из оцепенения, взметнулись руки со сжатыми кулаками.

– ООН – merde! – воскликнул один из рядовых.

Крик тут же подхватили другие, и по составу понесся воинственный клич, сначала в шутку, а потом и всерьез. Голоса становились все громче.

– ООН – merde! ООН – merde!

– Заткнитесь, чтоб вас! – заорал Брюс и шлепнул по голове ближайшего к нему солдата. Тот словно и не заметил: глаза его туманила заразная истерия, которой так подвержены африканцы. Рядовой подхватил с пола винтовку и прижал ее к груди, а все его тело дергалось в ритм возгласу.

Брюс подцепил край его стальной каски и спихнул ее солдату на глаза, оголив шею. Удар дзюдо – и рядовой свалился на мешки с песком, а винтовка выпала из рук. Керри в отчаянии огляделся: истерия расплзалась.

– Остановите их, Хендри, де Сурье! Остановите их, черт подери!

Голос капитана потонул в рокоте толпы.

Один рядовой схватил винтовку с пола и пробирался к борту, собираясь начать стрельбу. Он передернул затвор.

– Муамбэ! – заорал Брюс, но не смог перекрыть рев.

Мгновение – и все взорвется огнем из базук и пулеметов.

Брюс задержался на краю крыши и, рассчитав расстояние, прыгнул солдату на плечи. Под тяжестью Брюса рядовой рухнул, ударившись лицом о стальную борт, и вместе с капитаном повалился на пол. Палец солдата соскользнул со спускового крючка, винтовка вырвалась из рук, и раздался выстрел. Тут же наступила тишина. Брюс поднялся на ноги, вынимая пистолет из брезентовой кобуры на поясе.

– Так, – тяжело дыша, выдавил он, оглядываясь вокруг. – Кто-нибудь хочет попробовать? – Он поймал взгляд одного из своих сержантов. – Ты! Давай, стреляй, я жду!

При виде револьвера тот обмяк, и выражение безумия постепенно сошло с его лица. Он опустил глаза и неловко переступил с ноги на ногу.

Брюс оглянулся на Раффи и Майка, стоящих на крыше, и громко сказал:

– Следите за ними. Пристрелите первого, кто опять начнет.

– Есть, босс. – Раффи перекинул винтовку из одной руки в другую. – Ну, кто первый? – бодро спросил он, глядя вниз.

Настроение отряда переменялось, открытый бунт уступил место робости. Послышался тихий гул голосов.

– Майк, – с тревогой крикнул Брюс, – предупреди машиниста, он пытается провести поезд без остановки!

Звук двигателя стал громче – заслышав выстрел, машинист увеличил скорость, – и поезд на всех парах мчался к посту ООН.

Майк Хейг схватил рацию, что-то прокричал в нее. Поезд, взвизгнув тормозами, остановился в ста ярдах от заграждений.

Брюс неторопливо взобрался на крышу вагона.

– Пронесло? – спросил Майк.

– Черт! – Брюс потряс головой и слегка дрожащими руками зажег сигарету. – Еще пятьдесят ярдов, и... – Он повернулся и оглядел солдат. – Сволочи! В следующий раз, когда соберетесь покончить с собой, на меня не рассчитывайте. – Рядовой, которого он сбил с ног, сидел на полу, потирая огромный синяк над глазом. – Друг мой, – повернулся к нему Брюс, – у меня до тебя еще дойдут руки. – И затем к другому, который растирал шею: – И до тебя тоже! Сержант-майор, запишите их фамилии!

– Есть! – рявкнул Раффи.

– Майк. – Голос Брюса смягчился. – Пойду подольщусь к парням с базуками. Как только подам сигнал, трогайтесь.

– Может, мне с тобой пойти? – спросил Майк.

– Нет, останься здесь.

Брюс взял винтовку, закинул ее за спину и, соскользнув на землю по приставной лестнице, зашагал прочь. Гравий хрустел у него под ногами.

«Хорошенькое начало экспедиции, – подумал он мрачно. – Еще не выехали за пределы города, а уже чуть не попали в переделку. Ну, хорошо хоть эти придурки-ирландцы в свалке не выпустили пару-тройку гранат из базуки».

Капитан прищурился и разглядел верхушки касок над земляными укреплениями.

Без ветра, который сопровождал движение поезда, становилось жарко. Брюс снова покрылся потом.

– Ни с места, мистер, – раздался из-за укрепления чей-то глубокий звучный голос с ирландским акцентом.

Керри замер на деревянной шпале. Теперь ему были видны лица людей под касками – хмурые, не улыбочивые.

– Что за стрельба? – продолжал все тот же голос.

– Случайность.

– Больше не допускайте, а то у нас тоже может произойти случайность.

– Не хотелось бы, Пэдди.

Брюс улыбнулся уголками губ, а ирландец чуть раздраженно продолжал:

– Куда и зачем направляетесь?

– У нас есть пропуск, хотите взглянуть? – Брюс достал из нагрудного кармана свернутый листок.

– Куда и зачем направляетесь? – повторил ирландец.

– Направляемся в Порт-Реприв, вывезти жителей.

– Ага, нас предупреждали, – кивнул ирландец, блеснув тремя капитанскими звездочками на погонах. – Покажите пропуск.

Брюс сошел с путей и, взобравшись по земляному валу, отдал ирландцу розовый бланк. Капитан пробежал глазами пропуск и обратился к стоящему рядом:

– Все в порядке, сержант, убирайте заграждения.

– Можно пускать состав? – спросил Брюс.

Ирландец снова кивнул.

– Смотрите мне, чтобы больше случайностей не было. Мы не жалуем наемных убийц.

– Непременно, Пэдди. Это не твоя война, и ты тут ни при чем, – огрызнулся Брюс, прыгнул на рельсы и помахал Майку Хейгу, стоявшему на крыше вагона.

Сержант-ирландец и несколько рядовых расчистили пути. Пока состав с грохотом подползал ближе, Брюс пытался побороть раздражение. Колкость ирландца ранила его. «Наемный убийца...» Да, он им и был. Способен ли человек опуститься еще ниже?

Поезд поравнялся с ним, и Брюс, схватившись за поручни, вскочил на площадку. Насмешливо махнув на прощание ирландскому капитану, он вскарабкался на крышу.

– Ну что там они? – спросил Майк.

– Надерзили оперным голосом, – ответил Брюс, – а так ничего серьезного.

Он взял рацию.

– Машинист.

– Monsieur?

– Не забудь мои инструкции.

– Я не буду превышать сорока миль в час и остановлю в любую секунду.

– Хорошо!

Брюс выключил рацию и сел на мешок с песком между Раффи и Майком.

«Ну, – подумал он, – наконец-то едем. Шесть часов до Мсапы. Это еще ничего. А вот дальше... Бог знает, один Бог знает...»

Пути повернули, и белые дома Элизабетвила исчезли за деревьями. Поезд въезжал в леса саванн.

Позади состава черный дым локомотива уходил вбок, внизу ритмично стучали стрелки, а рельсы тянулись на много миль вперед и сливались вдаль с оливково-зеленой массой леса.

Брюс поднял голову. Небо было по-тропически голубым и ясным, хотя на севере собрались тучи, а под ними стеной стоял дождь, на котором загло радугу солнце. Тень от тучи двигалась по земле медленно, как стадо пасущихся буйволов.

Брюс Керри ослабил завязки шлема и положил винтовку рядом с собой.

– Хотите пива, босс?

– Еще как.

Раффи отправил одного из своих солдат в вагон. Посыльный тут же вернулся, неся шесть бутылок. Сержант-майор открыл зубами две, пиво вспенилось, и половина содержимого растеклась по крыше вагона.

– А пиво-то как взбесившаяся баба, – проворчал Раффи, передавая Брюсу бутылку.

– По крайней мере оно мокрое.

Брюс отхлебнул – теплое, газированное и слишком сладкое.

– Что подделаешь! – сказал Раффи.

Капитан посмотрел вниз на солдат, которые устраивались для длительного путешествия. Все, кроме дежурных пулеметчиков, отдыхали, лежа или сидя на корточках. Многие разделись до белья. Какой-то худющий парнишка спал, подложив под голову каску; тропическое солнце било ему прямо в лицо.

Брюс допил пиво и выбросил бутылку. Раффи открыл следующую и молча вложил ему в руку.

– Почему мы так медленно едем, босс?

– Я приказал машинисту не гнать, чтобы можно было остановиться, если вдруг пути взорваны.

– А... Эти балуба способны и на такое. Все они сумасшедшие арабы.

Теплое пиво, выпитое на жарком солнце, успокоило Брюса. Как хорошо не участвовать в кипящей вокруг жизни и не принимать решений.

– Послушайте, как поезд разговаривает, – сказал Раффи.

Брюс слушал стук колес.

– Да, я знаю. Можно заставить его сказать все, что хочешь услышать, – согласился он.

– А он еще и петь может, – продолжал Раффи. – У него своя музыка. Как эта.

Он набрал воздуха в гигантскую грудь, поднял голову и дал себе волю.

Глубокий зычный голос сержант-майора привлек внимание отдыхавших внизу солдат. Те, кто успел развалиться на полу, вздрогнули и сели. Присоединился еще один голос, сначала робко, потом более уверенно. Мелодию подхватили и остальные. Слова не имели значения, певцов заводил ритм. Они пели вместе уже не один раз, и теперь, как в хорошо спевшемся хоре, каждый голос нашел свое место, солисты вели, меняя темп, импровизируя и ускоряясь до тех пор, пока изначальная мелодия не исчезла, превратившись в один из племенных напевов. Брюс узнал в нем посевную песню – одну из его любимых. Он сидел, прихлебывая теплое пиво, а вокруг него штормовыми волнами разливалось хоровое пение, изредка прерываемое соло тенора.

Поезд двигался прямо в грозовые тучи на севере.

Вскоре из вагона внизу вышел Андрэ и, протиснувшись сквозь толпу, добрался до Хендри. Они о чем-то заговорили, и Андрэ внимательно, с серьезным лицом слушал, поднося голову на высокого Уолли.

Хендри обозвал Андрэ «куколкой». Описание очень подходило нежному лицу с большими карамельными глазами. Стальная каска казалась слишком велика для юноши. Андрэ внезапно рассмеялся, все так же глядя в глаза Хендри.

«Интересно, сколько ему лет? – подумал Брюс. – Наверняка не больше двадцати. Никогда я не встречал никого менее похожего на наемного убийцу».

– Как, черт побери, де Сурье угораздило попасть в эту заварушку? – произнес он вслух, и сидящий рядом Раффи ответил:

– Когда все началось, он работал в Элизабетвиле и не смог вернуться в Бельгию. Почему – не знаю, но, наверное, что-то личное. Его фирма закрылась, и, кроме как здесь, он нигде не мог найти работу.

– Ирландец на пропускном посту назвал меня наемным убийцей. – Размышления о судьбе Андрэ возвратили Брюса к мыслям о своем положении. – Я об этом раньше не думал, но, наверное, он прав. Вот кто мы такие.

Майк Хейг сначала молчал, а потом заговорил решительно:

– Взгляни на эти руки!

Брюс невольно посмотрел на них и первый раз заметил, что они тонкие, с длинными изящными пальцами – красивые руки творца.

– Посмотри, – повторил Майк, сжимая и разжимая пальцы. – Они созданы для того, чтобы держать скальпель, чтобы спасти жизни. – Он уронил руки на ствол винтовки, лежавшей у него на коленях. Тонкие длинные пальцы чуждо смотрелись на голубом металле. – А что они держат сейчас!

Брюс раздраженно передернулся. У Майка опять приступ самокопания. Черт побери... Хейг же прекрасно знает, что в наемной армии Катанги не принято вспоминать прошлое – его не существует.

– Раффи, – рявкнул Брюс, – ты что, не собираешься кормить своих людей?

– Будет сделано, босс. – Раффи открыл еще одну бутылку и протянул ее Керри. – Держите и постарайтесь не думать о еде. Я сейчас что-нибудь раздобуду.

Напевая, он загромыхал прочь по крыше вагона.

– Три года... А кажется, что вечность прошла, – продолжил Майк, словно Брюс и не прерывал его. – Три года назад я был хирургом, а теперь... – В его глазах отразилась скорбь, и Брюс пожалел его в глубине души, где держал под замком все свои чувства. – Я был хорошим хирургом, одним из лучших. Королевский колледж. Харли-стрит. Больница Гая. – Майк горько рассмеялся. – Представляешь, меня на «роллс-ройсе» возили читать лекции студентам о моей новейшей методике холецистэктомии!

– И что произошло? – Вопрос вылетел сам собой, и Брюс осознал, как близко к поверхности он подпустил свою жалость. – Нет, не говори мне ничего. Это твои дела. Я не хочу знать.

– Я расскажу, Брюс. Я хочу рассказать. Как-то легче становится, когда поговоришь.

«Сначала, – подумал Брюс, – и я хотел говорить, хотел смыть боль словами».

Несколько секунд Майк молчал. Пение внизу становилось то громче, то тише, а поезд все ехал по лесу.

– Десять долгих лет я шел к этому и наконец достиг: любимая работа, заслуженное вознаграждение, жена всем на зависть, прекрасный дом, много друзей... Пожалуй, слишком много – успех плодит друзей, как грязная кухня тараканов. – Вынув платок, Майк вытер затылок – туда не долетал ветер. – Есть друзья – есть вечеринки. А на вечеринке после тяжелого рабочего дня отдохнуть можно только с рюмкой. Своей слабости поначалу не замечаешь, а потом становится слишком поздно, бутылка селится в ящике стола, и работается намного хуже. – Майк обернул палец платком и упрямо продолжал: – Внезапно ты это понимаешь. Понимаешь, когда по утрам у тебя трясутся руки, а на завтрак не хочется ничего, кроме рюмки; когда нужно оперировать, а выпивка – единственный способ, чтобы руки не тряслись. А окончательно это осознаешь, только когда нож дрогнет в руке и из артерии начнет бить кровь, а ты стоишь словно парализованный и смотришь, как она заливает халат и собирается в лужи на полу операционной.

Майк умолк, вытряс сигарету из пачки и закурил. Он сидел ссутулившись, а в глазах набежали тучи от осознания вины. Затем он выпрямился и заговорил увереннее:

– Ты, наверное, читал. Обо мне несколько дней кричали все газеты. Впрочем, я тогда еще не был Хейгом. Это слово я увидел на какой-то бутылке в баре. Глэдис, конечно, не бросила меня. Она такая. Мы уехали в Африку. На оставшиеся у меня сбережения мы купили в рас-срочку табачную плантацию около Солсбери. Два года я не пил. Глэдис была беременна нашим первым ребенком, мы оба очень хотели детей. Все опять вставало на свои места. – Майк засунул платок в карман, и снова его голос потерял твердость, стал глухим и хриплым. – Однажды я поехал в деревню, на обратном пути зашел в клуб, где бывал и раньше. Вот только на этот раз просидел не полчаса, а до самого закрытия и на ферму вернулся с ящиком шотландского виски.

Брюсу опять захотелось его остановить; он знал, что будет дальше, и не хотел слушать.

– Той ночью начались дожди, и реки вышли из берегов. Телефонные линии оборвались, и мы оказались отрезаны от остального мира. Утром... – Майк замолчал и повернулся к Брюсу. – Наверное, от шока, что я опять в таком состоянии, у Глэдис начались схватки. Это был первый ребенок, а она уже не молоденькая. Схватки продолжались целые сутки, от усталости она уже не могла кричать. Без ее криков и мольбы о помощи стало так хорошо и спокойно... Она знала, что у меня есть все нужные инструменты, просила помочь. Ее голос прорывался сквозь туман виски, и мне так надоели ее крики, что я возненавидел жену. Наконец она замолчала, только я и не осознал, что она умерла, – просто обрадовался, что стало тихо и спокойно. – Он опустил

глаза. – Я был слишком пьян и не пошел на похороны. Позже, не помню точно когда, я встретил в каком-то баре, кажется, в «Медном поясе», какого-то вербовщика. Он набирал добровольцев в армию Чомбе, и я записался. Мне казалось, что больше ничего не остается делать.

Солдат принес им ржаной хлеб с консервированным маслом, тушенкой и маринованным луком. Они молча жевали, слушая пение.

– Мог бы мне и не рассказывать, – наконец заметил Брюс.

– Я знаю.

– Майк...

– Да?

– Прими мои соболезнования. Может быть, от этого тебе станет легче.

– Станет, – ответил Майк. – Иногда нужно, чтобы кто-то... Нужно не быть совсем одному. Ты мне нравишься, Брюс.

Он выпалил последнее предложение, и Брюс вздрогнул, словно Майк дал ему пощечину.

«Дурак, – грубо накинулся он на себя, – ты открыл душу. И почти выпустил все наружу».

Он беспощадно, приложив нечеловеческое усилие, затолкал жалость обратно и схватился за рацию. Глаза утратили мягкость.

– Хендри, – сказал он, – кончай языком чесать. Я поставил тебя впереди следить за путями.

На головной платформе Уолли Хендри небрежно вскинул два пальца в неприличном жесте и встал лицом по ходу поезда.

– Пойди смени Хендри, – сказал Брюс Майку. – А его пришли сюда.

Майк Хейг поднялся и посмотрел на Брюса.

– Чего ты боишься? – спросил он слегка озадаченно.

– Я отдал приказ, Хейг.

– Есть, сэр.

4

Самолет обнаружил их во второй половине дня. Реактивный «вампир» индийских воздушных сил показался с севера. Они услышали его тихий рокот в небе, заметили, как фюзеляж блеснул на солнце кусочком слюды над грозовыми облаками, висевшими впереди.

– Ставлю тысячу франков против кучки дерьма, что этот пижон про нас не знает! – воскликнул Уолли, следя за самолетом, который свернул с курса и направился к ним.

– Теперь уже знает, – сказал Брюс.

Он скользнул взглядом по дождевым облакам: уже близко, еще десять минут, и поезд скроется под ними и будет недоступен с воздуха. Тучи почти прижались к земле, а дождь, висящий серо-голубой дымкой, снизит видимость до нескольких сотен футов.

Брюс включил рацию.

– Машинист, дай максимальную скорость – нам как можно скорее нужно вон под тот дождь.

– Oui, monsieur, – слышалось в ответ.

Почти тотчас же локомотив запыхтел чаще, стук колес ускорился.

– Смотрите, подлетает, – проворчал Хендри.

Самолет серебристой точкой прошел позади облака, приближаясь и вырастая.

Брюс щелкал переключателем рации, разыскивая канал пилота. Он перебрал четыре волны – везде помехи и гудение, но на пятой мягко забубнили на хиндустани. Брюс языка не знал, но разобрал озадаченные интонации. Последовала пауза – пилот слушал указания с базы Камина, которая была вне пределов досягаемости их небольшой рации, – а потом краткий утвердительный ответ.

– Он подлетит ближе, посмотрит на нас, – сказал Брюс и, повысив голос, продолжил: – Всем в укрытие. – Ему не хотелось еще раз рисковать, пытаясь продемонстрировать дружественные намерения.

Похожий на акулу самолет, приближаясь, шел на средней скорости, и все равно невероятно быстро, оставляя шум мотора далеко позади. Сначала Брюс разглядел через стекло кабины голову летчика, потом черты смуглого лица под серебристым шлемом, маленькие черные усики, как у валета пик. Самолет летел так низко, что Брюс успел заметить момент, когда пилот узнал в них армию Катанги. Глаза летчика расширились так, что показались белки, а рот искажился проклятиями. Из лежащей рядом рации через помехи донеслось ругательство, а затем самолет с ревушим во всю мощь мотором поднялся выше, показав серебристое брюхо и ряды ракет под крыльями.

– Ага, испугался, – захохотал Хендри. – Дал бы ты мне выстрелить. Он совсем близко – я попал бы в левый глаз.

– У тебя еще будет возможность, – мрачно заверил его Брюс.

Из рации доносились удивленные интонации, а самолет ушел в небо. Брюс быстро переключился на свой канал.

– Машинист, быстрее!

– Monsieur, я никогда еще не шел так скоро.

Брюс снова включил частоту пилота и прислушался к его взволнованному голосу. Летчик зашел на очередной разворот примерно в пятнадцати милях от них. Густые облака и стена дождя впереди двигались навстречу, но медленно и важно.

– Если он вернется, – крикнул Брюс солдатам в вагоне, – то уж точно не для того, чтобы еще раз на нас посмотреть. Открывайте огонь, как только самолет окажется в пределах досягаемости. Не жалейте сил и патронов, надо испортить ему планы.

На обращенных к капитану лицах солдат отразилось осознание собственной неполноценности – как у всех сухопутных перед небесным охотником. Только Андрэ не отрывал взгляда от самолета, нервно сжимая челюсти и невероятно широко распахнув глаза.

Рация смолкла. Все головы повернулись в сторону приближающегося самолета.

– Ну давай, пижон, давай! – нетерпеливо рычал Хендри. Он плюнул на ладонь, а затем обтер ее о куртку. – Давай, мы тебя ждем. – Большим пальцем он щелкал предохранителем винтовки.

Внезапно рация опять заговорила. Из нее вырвались два слова, по-видимому, подтверждающие получение приказа, и одно из них Брюс узнал. Он его слышал раньше при обстоятельствах, которые навсегда засели в памяти. Слово на хиндустани – «Атака!»

– Ясно, – сказал он. – Он возвращается.

Ветер трепал рубашку у него на груди. Брюс поправил каску и вставил обойму в патронник винтовки.

– Иди вниз, на платформу, Хендри, – приказал он.

– Мне отсюда лучше видно. – Уолли на широко расставленных ногах стоял рядом, удерживая равновесие при тряске поезда.

– Как хочешь, – сказал Брюс. – Раффи, в укрытие.

– Да там слишком жарко, в коробке-то, – улыбнулся огромный негр.

– Ты сумасшедший араб, – сказал Брюс.

– Конечно, мы все сумасшедшие арабы.

Самолет резко повернул и пошел на снижение, все еще находясь в нескольких милях от них.

– А он совсем еще салага, – злорадствовал Хендри, – собирается нас с фланга атаковать. Да мы его тут же обстреляем. Если бы он не спал на ходу, то ударил бы сзади, разнес бы локомотив, а потом наблюдал бы, как мы тут все стреляем поверх друг друга.

Быстро и бесшумно самолет поравнялся с ними, почти касаясь верхушек деревьев. Внезапно на носу его замерцали лимонно-желтые вспышки пушечных выстрелов, и тотчас же воздух наполнился тысячью хлопков – в ответ стреляли все, кто был в поезде. Пулеметные очереди следовали одна за другой, пытаясь достичь самолета, винтовки не отставали, теряясь в общем гуле орудийного огня.

Брюс тщательно прицелился – от постоянной тряски состава самолет плясал на мушке, – нажал на спусковой крючок, и винтовка с силой ударила ему в плечо. Краем глаза он увидел, как бронзовой струей высыпались гильзы, а в нос ударил запах пороха.

Самолет качнулся, пытаясь увернуться от огня.

– Трус! – взревел Хендри. – Трус, сукин сын!

– Не прекращать огонь! – прорычал Раффи.

Самолет дернулся и задрал вверх носовую часть, так что снаряды пролетели над головами. Затем он снова опустил нос и выстрелил из всех орудий. Стрельба с поезда прекратилась, потому что все нырнули в укрытие, однако трое на крыше вагона продолжали стрелять. Выпущенные пилотом ракеты взвыли, как четыре демона в упряжке, и, оставляя за собой полосы белого дыма, пролетели четыреста ярдов со скоростью одного вздоха. К счастью, легчик опустил нос самолета слишком низко и выстрелил слишком поздно – снаряды врезались в насыпь под поездом.

Взрыв сбил Брюса с ног. Он упал и покатился, отчаянно пытаясь схватиться за гладкую крышу, перелетел через край, но успел зацепиться пальцами за желоб и повис. Перед глазами плыли круги, желоб врезался в пальцы, шею душил ремень винтовки, а под ногами стремительно проносился гравий насыпи.

С крыши вагона Раффи протянул руку, схватил его за куртку и поднял, как ребенка.

– Куда-то собрались, босс?

Большое круглое лицо сержант-майора покрывала пыль, но сам он счастливо улыбался. Брюс уже давно подозревал, что на эту темнокожую гору произведет впечатление разве что целый ящик динамита.

Стоя на коленях, капитан пытался собраться с силами. Взрыв расщепил деревянную стенку вагона, крышу засыпало землей и щебенкой. Хендри сидел рядом, медленно качая головой из стороны в сторону. Из царапины на щеке Уолли текла кровь, капая с подбородка. На открытой платформе солдаты стояли или сидели с окаменевшими лицами. Поезд мчался дальше к грозовому фронту, а далеко позади, над лесом, висело облако пыли от взрывов.

Брюс поднялся на ноги и, быстро оглядев небо в поисках самолета, обнаружил его крошечный силуэт высоко над облаками.

Рация под защитой мешков с песком осталась нетронутой. Брюс дотянулся до нее и нажал кнопку.

– Машинист, все в порядке?

– Monsieur, я потрясен. Там...

– Ничего страшного, – успокоил его Брюс. – Веди поезд, как раньше.

– Oui, monsieur.

Потом он включил волну самолета. В ушах гудело после взрыва, но он уловил перемену интонации в голосе пилота. Тот говорил медленно, задыхаясь на отдельных словах. «Или испуган, или ранен, – подумал Брюс. – Хотя все равно успеет нагнать нас до того, как въедем в грозу».

Сознание быстро прояснилось, и он понял, что солдаты совсем раскисли.

– Раффи! – крикнул он. – Подними их. Самолет вот-вот вернется.

Сержант-майор спрыгнул на платформу, и Брюс услышал звуки пощечин – так Раффи пробуждал в солдатах воинственный дух. Керри спустился вниз, перелез на следующую платформу и стал проделывать то же самое.

– Хейг, помоги мне их растормошить.

Немного отойдя от шока после взрыва, солдаты с готовностью вскочили и сгрудились у борта, проверяя и перезаряжая винтовки, чертыхаясь. Их лица уже утратили тупое, оцепенелое выражение.

Брюс крикнул:

– Раффи, у тебя кто-нибудь ранен?

– Пара царапин, ничего страшного.

На крыше вагона Хендри поднялся на ноги и, обратив окровавленное лицо к самолету, крепко сжимал в руках винтовку.

– Где Андрэ? – спросил Брюс у Хейга, столкнувшись с ним на середине платформы.

– Там, впереди. Похоже, ранен.

Брюс обнаружил Андрэ чуть дальше, в углу платформы. Юноша сидел скрючившись и закрыв лицо руками. Винтовка лежала рядом. Плечи Андрэ поднимались и опускались, как будто от боли.

«Глаза, – решил Брюс, – он ранен в глаза».

Наклонившись, он отнял руки Андрэ от лица, ожидая увидеть кровь.

Юноша плакал: по щекам струились ручьи слез, ресницы слиплись. Секунду Брюс смотрел на него, а затем схватил за шиворот и поднял на ноги. Керри подобрал винтовку с пола: ствол совсем холодный, из оружия не стреляли.

Брюс подтащил бельгийца к борту и сунул ему в руки винтовку.

– Де Сурье, – прорычал он, – я буду рядом. Если такое повторится еще раз, я тебя пристрелю. Понял?

– Прости, Брюс... – Искусанные губы Андрэ вспухли, по лицу была размазана грязь, а в глазах застыл ужас. – Прости, я нечаянно.

Брюс ничего не ответил и стал следить за самолетом, который приближался для следующей атаки.

«Опять подлетит сбоку, – подумал Брюс, – но на этот раз нам крышка. Дважды он не промахнется».

Самолет, скользнув между двумя огромными белыми облаками, снизился и полетел почти над деревьями. Он настигал их, маленький и зловещий.

С платформы хрипло застрекотал один из пулеметов, выплевывая трассирующие снаряды, словно нанизанные на нитку бусы.

– Рано, – пробормотал Брюс. – Слишком рано. Он вне досягаемости.

Неожиданно самолет покачнулся, чуть не задев верхушки деревьев, и сбился с курса.

Над поездом пронесся радостный возглас и тут же затерялся в грохоте выстрелов из всех имеющихся орудий. Самолет, отчаявшись, вслепую выпустил оставшиеся ракеты, а затем, круто набрав высоту, исчез в облаках. Шум моторов становился все тише и наконец совсем пропал.

Раффи исполнял торжествующий танец, размахивая винтовкой над головой. Хендри, стоя на крыше, выкрикивал оскорбления в облака, где только что скрылся самолет. Один из пулеметов все еще выпускал беспорядочные очереди. Откуда-то послышался военный клич Катанги, который тут же подхватили остальные. Машинист тоже дал несколько свистков.

Брюс надел винтовку на плечо и, сдвинув каску на затылок, закурил сигарету. Солдаты пели, смеялись и болтали, избавившись от опасности.

Рядом с ним Андрэ перегнулся через борт. Его тошнило. Из носа тоже текло и капало на куртку. Юноша вытер рот рукой.

– Прости меня, Брюс. Прости, пожалуйста, – шептал он.

Они въехали в облако, и прохлада налетела на них, как из открытого холодильника. Первые капли укололи Брюса в щеку и покатались вниз, смывая запах пороха. С лица Раффи стекла грязь, и оно вновь засветилось, как вымытый кусок угля.

Брюс почувствовал, как намокшая куртка прилипает к спине.

– Раффи, по двое на пулемет. Всем остальным в крытые вагоны. Сменяться каждый час. – Он перевесил винтовку дулом вниз. – Де Сурье, можешь идти. Хендри, ты тоже.

– Я останусь с тобой, Брюс.

– Ладно.

Галдя и смеясь, солдаты перебрались в крытые вагоны. Раффи подошел к Брюсу и протянул ему плащ-палатку.

– Все рации укрыты. Если я вам не нужен, босс, у меня там дело к одному из этих арабов в вагоне. У него с собой почти двадцать тысяч франков. Пойду поучу его в картишки играть.

– Я как-нибудь расскажу им о твоих фокусах, – пригрозил Брюс.

– Не стоит, босс, – серьезно ответил Раффи. – Деньги им пользы не принесут, одни неприятности.

– Ладно, иди. Я тебя потом позову, – сказал Брюс. – Передай им, что я сказал «хорошая работа» и что я ими горжусь.

– Конечно, передам, – пообещал Раффи.

Брюс приподнял брезент, под которым лежала рация.

– Машинист, поменьше пару, а то взорвешь котел!

Неукротимый бег поезда стал сдержаннее. Брюс, надвинув каску на глаза, подтянул плащ-палатку до подбородка. Затем он перегнулся через борт платформы, пытаясь выяснить, насколько серьезны повреждения от взрыва.

– По этой стороне вылетели все стекла и кое-где пробита стенка, – пробормотал он. – Счастливо отделались.

– Какая жалкая война, как из комической оперы, – ворчал Майк Хейг. – Летчик прав: зачем рисковать жизнью и вмешиваться не в свое дело.

– Быть может, его ранило, – предположил Брюс. – Похоже, мы его с самого начала задели. Они помолчали, шурясь вдаль. Дождь хлестал их по лицам.

Солдаты у пулеметов завернулись в защитные плащ-палатки. Все их ликование улетучилось. «Как кошки, – подумал Брюс, заметив их уныние, – не выносят воды».

– Уже половина шестого, – наконец сказал Майк. – Доберемся до Мсапы засветло?

– При такой погоде к шести стемнеет. – Брюс взглянул на низкое облако, которое несло с собой преждевременную темень. – Ночью ехать рискованно. Здесь везде балуба, мы даже огнями локомотива не сможем воспользоваться.

– Остановимся?

Брюс кивнул. «Какой тупой вопрос», – с раздражением подумал он и тут же понял, что его раздражение – ответ на опасность, которую они только что пережили.

– Мы, наверное, уже недалеко, – пояснил он. – Если двинемся с рассветом, то доедем до Мсапы до восхода солнца.

– Черт, холодно, – вздрогнув, пожаловался Майк.

– Или слишком жарко, или слишком холодно, – согласился Брюс. Он знал, что становится болтливей после опасности, но его уже несло. – Это свойственно нашей маленькой планете – ни в чем нет меры. Слишком жарко или слишком холодно; ты либо голоден, либо объелся; или влюблен, или ненавидишь весь мир...

– Это ты про себя? – спросил Майк.

– Черт побери, Майк, ты хуже бабы. Неужели нельзя вести разговор, не переходя на личности? – возмутился Брюс.

Он чувствовал, как натягиваются нервы. Ему было холодно, хотелось курить.

– Для подтверждения объективных теорий нужны субъективные факты, – заметил Майк. На его широком постаревшем лице показалась лукавая улыбка.

– Все, хватит. Я не хочу о личном, – огрызнулся Брюс и тут же сам продолжил: – Меня тошнит от людей. От де Сурье, которого от страха вывернуло наизнанку, от этой скотины Хендри, от тебя, алкоголика, от Джоан... – Он резко замолчал.

– Кто такая Джоан? – спросил Майк.

– Я к тебе с вопросами пристаю?

В наемной армии Катанги это был стандартный ответ на все, что касалось личных дел.

– Нет. Это я спрашиваю: кто такая Джоан?

«Ладно. Скажу ему. Если хочет знать, скажу».

В раздражении Брюс становился неосторожен.

– Джоан – это та сука, на которой я женился.

– Ага, вон оно что!

– Да. Теперь знаешь. И оставь меня в покое.

– А дети?

– Двое – мальчик и девочка. – Злость прошла. На мгновение Керри пронзила острая боль, но он овладел собой и заговорил прежним ровным голосом: – Все это не важно. Пусть человечество катится в пропасть – мне от него ничего не нужно.

– Сколько тебе лет, Брюс?

– Отстань, черт побери.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать.

– Разговариваешь как подросток.

– А чувствую себя стариком.

Майк спросил серьезным тоном:

- А что ты делал раньше?
- Спал, дышал, ел. И об меня вытирали ноги.
- Кем ты работал?
- Юристом.
- Успешно?
- Тебя интересует, зарабатывал ли я? Да, и неплохо.

«Хватило и на дом, и на машину, – подумал он горько. – И на то, чтобы оспаривать опеку над детьми, и на тяжбу по разводу. На все хватило, хотя свою долю бизнеса пришлось продать».

– Ну, тогда все будет нормально, – ответил Майк. – Если у тебя было успешное дело, ты сможешь к нему вернуться. Вот придешь в себя, по-другому помотришь на свою жизнь ипустишь в нее других людей. Ты опять станешь сильным.

– Я сильный, Хейг. Я силен именно потому, что в моей жизни никого нет. В одиночку ты свободен.

– «Силен, свободен»! – раздраженно передразнил его Майк. – В одиночку ты ничто, Керри! В одиночку ты так слаб, что я тебя струей мочи смою. – Затем, уже мягче, он добавил: – Пойми, ты – счастливчик. Люди к тебе тянутся. Тебе не придется быть одному.

- Пока я побуду один.
- Посмотрим, – пробормотал Майк.

– Что ж, посмотрим, – согласился Брюс и достал из-под брезента рацию. – Машинист, на ночь делаем привал. В темноте ехать слишком опасно.

5

Радио Браззавиля с трудом пробивалось сквозь шум и помехи рации. Дождь все лил, а гром перекатывался по небу, как незакрепленный груз по трюму корабля.

– ...Наш корреспондент в Элизабетвиле сообщает, что подразделения армии Катанги на юге провинции Касаи нарушили соглашение о прекращении огня, обстреляв низко летящий самолет, принадлежащий войскам ООН. Самолет – «вампир» индийских военно-воздушных сил – вернулся на аэродром в Камине неповрежденным. Пилот, однако, был ранен из мелкокалиберного оружия. Его состояние оценивается как удовлетворительное. Командующий вооруженными силами ООН в Катанге, генерал Ри, подал протест правительству Катанги... – Послышался треск помех, и голос диктора умолк.

– Подбили мы его, – позлорадствовал Уолли Хендри. Царапина у него на щеке запеклась и почернела, хотя по краям еще поблескивала красным.

– Заткнись, – рявкнул Брюс, – и не мешай слушать.

– Да ни черта вы не услышите. Андрэ, в моем мешке есть бутылка. Принеси ее! Я выпью за этого кули с пулей в...

Из радио вновь донесся громкий голос диктора:

– ...в миссии Сенвати в пятидесяти милях от Порт-Реприва. Представитель правительства Конго отрицает, что конголезские войска проводят маневры в этом районе. Высказываются опасения, что большой отряд вооруженных боевиков воспользовался нестабильностью ситуации и... – Помехи снова заглушили голос диктора.

– Черт подери, – пробормотал Брюс, пытаясь настроить рацию.

– ...заявили сегодня, что вывоз русскими ракетных установок с Кубы подтверждается воздушной разведкой...

– Все, больше нас ничего не интересует. – Брюс выключил рацию. – Какая кутерьма! Раффи, где миссия Сенвати?

– На дальнем конце болот, рядом с родезийской границей.

– Пятьдесят миль от Порт-Реприва, – встревоженно выдохнул Брюс.

– По дороге, босс, больше сотни.

– В такую погоду они будут добираться три-четыре дня, не считая времени на грабежи и разбой по пути, – подсчитал Брюс. – Прекрасно. Надо попасть в Порт-Реприв к завтрашнему вечеру и выехать обратно на восходе следующего дня.

– А зачем нам делать привал? Ехали бы и ехали. – Хендри отнял бутылку от губ. – Уж лучше, чем москитов тут кормить.

– Посидим, – ответил Брюс. – Ничего хорошего, если вдруг состав ночью сойдет с рельсов. – Он повернулся к Раффи: – Сержант-майор, выставите часовых, сменяться каждые три часа. Первым лейтенант Хейг, потом лейтенант Хендри, за ним лейтенант де Сурье, а на восходе – я.

– Хорошо, босс. Пойду проверю, не спят ли мои ребята, – ответил Раффи и вышел из купе, тяжело ступая. В коридоре захрустело битое стекло.

– Я тоже пойду, – поднялся Майк и натянул плащ-палатку на плечи.

– Не трать зря батареи прожектора, Майк. Включай примерно каждые десять минут.

– Понял. – Майк посмотрел на Хендри: – Я тебя вызову в девять часов.

– Хорошо повеселиться, старый осел, – подначил Уолли Майка. – Удачной охоты, ага! Майк вышел из купе.

– Вот тупица, – заявил Хендри. – Почему он так разговаривает?

Ему никто не ответил, и он задрал рубашку на голову.

– Андрэ, что там у меня на спине?

– Прыщ.

– Ну выдави его тогда.

Брюс проснулся ночью, весь в поту. У самого лица вились москиты. Снаружи все еще шел дождь. Свет установленного на крыше прожектора тускло освещал купе.

На нижней полке Майк Хейг скрипел зубами во сне. Его лицо блестело от пота, голова металась из стороны в сторону. Брюс привык к этому звуку и предпочитал его храпу Хендри.

– Бедняга, – прошептал Керри.

С противоположной полки раздался тоненький стон, перешедший в хныканье. Рассыпавшиеся по подушке мягкие темные пряди делали Андрэ де Сурье похожим на совсем юного мальчугана.

6

Дождь перестал только под утро, и солнце начало нещадно жечь, еще не выйдя из-за горизонта. От мокрого леса поднимался теплый туман. При продвижении дальше на север лес становился гуще, деревья стояли ближе друг к другу, а подлесок был гораздо мощнее, чем у Элизабетвиля.

Сквозь влажную дымку показалась водонапорная башня Мсапы, возвышающаяся над лесом, как маяк. Ее серебристую поверхность испещряли полосы ржавчины.

Поезд повернул еще раз, и перед глазами отряда предстал маленький поселок – пять-шесть домов. Веяло одиночеством и заброшенностью – все жители ушли в джунгли.

Возле путей, рядом с башней, возвышались бетонные бункеры для угля. Чуть поодаль – деревянное станционное здание со стальными перекрытиями. Табличка над входом гласила: «Станция Мсапа. Высота над уровнем моря – 963 м».

От станции к жилым постройкам вела аллея кассий с темно-зеленой листвой и ярко-оранжевыми цветами. У самого леса виднелся ряд домов.

Один из домов сожгли, его черный обгорелый остов покосился. За три месяца брошенные без ухода сады совсем одичали.

– Машинист, остановись у башни. У тебя пятнадцать минут, чтобы наполнить котел.

– Спасибо, monsieur.

Выпустив облако пара, локомотив затормозил рядом с башней.

– Хейг, возьми четырех человек и помоги машинисту.

– Хорошо, Брюс.

Брюс снова включил рацию.

– Хендри.

– Я.

– Возьми патруль из шестерых. Обыщите дома и осмотрите опушку – нам не нужны неожиданные гости. – Уолли Хендри помахал рукой с платформы, а Брюс продолжил: – Позови де Сурье. – Он видел, как Хендри передал рацию Андрэ. – Де Сурье, в отсутствие Хендри останешься за главного на передних платформах. Задача – обеспечить прикрытие Хендри и следить за лесом позади. Оттуда тоже могут нагрянуть. – Выключив рацию, Брюс повернулся к Раффи: – Оставайся здесь, на крыше, Раффи. А я пойду проверю, что у них там с водой. Если что, не жди меня, отстреливайся.

Раффи кивнул.

– Вот, возьмите с собой завтрак. – Он протянул открытую бутылку пива.

– Лучше, чем яичница с беконом.

Брюс взял бутылку и спустился на платформу. Потягивая пиво, он прошелся вдоль поезда, взглянул на Майка с машинистом, которые возились на башне.

– Пустая? – крикнул он.

– Наполовину. Ванну принять можно, – ответил Майк.

– Не искушай. – Заманчивая картина вдруг ясно предстала перед глазами. Он чувствовал затхлый запах своего невымытого тела; веки распухли и горели от укусов moskitov. – Полцарства за ванну. – Он потер жесткую щетину, покрывавшую щеки.

Сверху спускали брезентовый рукав. Круглолицый машинист вскарабкался на котел и стал прилаживать шланг.

Крик сзади заставил Брюса обернуться. Хендри с патрулем подходили к составу, таща за собой двоих детей – мальчика и девочку.

– Прятались в доме, – крикнул Хендри. – Чуть в лес не удрали.

Он подтолкнул девочку штыком. Она завизжала и стала вырываться из рук солдата.

– Хватит. – Окрик Брюса заставил Хендри опустить штык.
Брюс Керри пошел им навстречу.

Девочка только вступила в пору отрочества – маленькие груди только-только припухли, как следы укусов насекомых. На тонких ногах неестественно выделялись огромные коленные чашечки. Одежду девочке заменяла грязная тряпица, проходящая между ног и перехваченная на талии кожаной тесемкой. На лбу, щеках и груди красовались выпуклые шрамы-татуировки с тотемами племени.

– Раффи, – окликнул Брюс, – можешь с ними поговорить?

Спустившись с поезда, сержант-майор посадил мальчишку к себе на колени. Он был младше девочки – лет семи-восьми, смуглый и совершенно голый, неприкрытый, можно сказать, совсем как ужас на его физиономии.

Раффи грозно заворчал, и солдат выпустил из рук девочку. Она стояла на месте, дрожа и не пытаясь убежать. Раффи стал тихо разговаривать с мальчиком, ласково глядя его по голове. Постепенно страх исчез с его лица, и он что-то зашебетал на наречии, которое Брюс не знал.

– Ну, что он говорит? – поторопил он.

– Он думал, что мы их съедим, – рассмеялся Раффи. – Для полноценного завтрака недостаточно. – Он потрепал мальчика по худой ручонке, серой от приставшей грязи, а затем отдал приказ одному из своих солдат.

Тот пошел обратно к поезду и вернулся с пригоршней шоколадок. Все еще нашептывая что-то, Раффи развернул одну и сунул мальчику в рот. Глаза ребенка широко распахнулись, и он стал быстро жевать, глядя в лицо Раффи и отвечая на вопросы с набитым ртом.

Наконец Раффи повернулся к Брюсу:

– Все нормально, босс. Они из маленькой деревни в часе ходьбы отсюда. Там всего пять или шесть семей и никаких вооруженных отрядов. Детишки пробрались сюда, хотели что-нибудь стащить. Вот и все.

– Сколько людей в деревне? – спросил Брюс, и Раффи повернулся к мальчику.

Вместо ответа тот поднял все десять пальцев, не переставая жевать.

– Свободна ли дорога на Порт-Реприв? Мосты не сожжены? Рельсы не взорваны?

Дети не могли ответить на этот вопрос. Мальчик проглотил последний кусочек и посмотрел голодными глазами на Раффи, который дал ему еще шоколадку.

– Черт, – с отвращением процедил Хендри. – Мы что, в яслях? Давайте еще цветочки пособираем.

– Заткнись, – рявкнул Брюс. – Раффи, спроси, не видели они каких-нибудь солдат?

Дети с серьезным видом замотали головами.

– А среди их родных не было вооруженных людей?

Опять твердое «нет».

– Ладно, отдай им весь шоколад, – велел Брюс. Больше ничего от них не добиться, а время идет.

Он вскинул глаза – Хейг и машинист уже закончили наполнять котел. Он перевел взгляд на мальчишку. Его сыну сейчас столько же, вот уже год, как... Брюс остановил себя. Так недалеко и до сумасшествия.

– Хендри, отведи их к лесу и отпусти на все четыре стороны, да поживей. Мы уже и так много времени потеряли.

– Это ты мне говоришь! – хмыкнул Хендри и поманил детей за собой. Сопровождаемые Хендри и двумя солдатами, дети послушно побрели прочь и вскоре скрылись за станционным зданием.

– Машинист, все готово?

– Да, monsieur, можно отправляться.

– Не жалея угля, раскачай малышку как следует. – Брюс улыбнулся машинисту. Ему нравился этот маленький человек, и их перешучивания доставляли удовольствие.

– Pardon, monsieur.

– Глупая шутка, прости.

– А-а, шутка! – Пухлый животик смешно закачался.

– Эй, Майк, – крикнул Брюс, – загоняй своих на поезд. Мы...

Автоматная очередь, донесшаяся из-за здания станции, оборвала его на полуслове. Она так резко вонзилась в знойное утро, что на несколько секунд Брюс прирос к месту.

– Хейг, – заорал он, – быстро на поезд, смени де Сурье.

Это было слабое место в обороне, и ребята Хейга бросились к платформам.

– Вы, – остановил Брюс шестерых солдат. – За мной!

Керри окинул быстрым взглядом поезд, убедился, что составу ничего не угрожает. По всей длине из-за бортов и из окон высывались винтовки, а на крыше Раффи разворачивал пулемет, прикрывая фланги. Нападение даже тысячи балуба будет отражено.

– Вперед, – сказал Брюс и побежал к зданию станции – там безопаснее. Солдаты от него не отставали.

Выстрелов больше не было. Значит, либо тревога ложная, либо Хендри с группой погибли при первой же атаке.

Брюс ударом ноги вышиб дверь в кабинет начальника станции и улыбнулся про себя: он всегда хотел повторить этот прием Кларка Гейбла из фильма «Сан-Франциско».

– Четверо – внутрь! Прикройте нас из окон.

Солдаты ворвались в комнату, держа наготове винтовки. Сквозь приоткрытую дверь на столе у дальней стены Брюс увидел телеграф. Аппарат громко стрекотал, перегоня сообщения по линии Элизабетвиль – Жадовиль. «Почему в самый напряженный момент мозг тратит силы на всякую ерунду? – подумал Брюс. – И на эту мысль тоже».

– Вы двое – за мной.

Он повел их вдоль самой стены, и, задержавшись на углу, проверил заряд винтовки и переключил ее на скорострельный режим. Еще секунду он раздумывал. Что там, за углом? Сотня голых дикарей вокруг растерзанных тел Хендри и его солдат? Или...

Пригнувшись, держа винтовку у груди, чувствуя каждый нерв в теле и готовый в любой момент отпрыгнуть, Брюс боком вышел из-за угла здания.

Хендри и два солдата стояли на пыльной дороге у первого дома и спокойно переговаривались. Уолли Хендри перезаряжал винтовку, сжимая магазин большими красными руками, на которых рыжие волосы блестели на солнце. С нижней губы у него свисала сигарета. Он неожиданно рассмеялся, закинув голову; сигарета выпала изо рта и скользнула вниз по куртке. На плечах у него темнели следы пота.

Мальчик и девочка лежали на дороге ярдах в пятидесяти.

Брюс похолодел. Лед сковал его изнутри, сжимая грудь. Капитан медленно выпрямился и пошел к детям, бесшумно ступая по мелкой пыли. Брюс слышал только свое дыхание – тяжелое и хриплое, словно позади брело раненое животное.

Он прошел мимо Хендри и двух солдат, даже не взглянув на них. Те замолчали, с тревогой наблюдая за Брюсом. Капитан опустился на колено рядом с девочкой, отложив в сторону винтовку, и осторожно перевернул ребенка на спину.

– Неправда, – прошептал он. – Не может быть.

Пуля пробила девчужке грудь, образовав дыру размером с кофейную чашку. Кровь в теле еще пульсировала, медленно стекая вниз, тягучая, как свежий мед.

Как во сне, Брюс повернулся к мальчику.

– Нет, не может быть, – сказал он вслух, словно пытаясь словами изменить реальность.

Мальчика прошили три пули. Одна вывернула из плеча руку – острый осколок кости торчал из раны. Остальные разорвали тело почти надвое.

Накатило откуда-то издалека, как шум приближающегося поезда в туннеле. Брюса затрясло. Он опустил веки и слушал рев в голове, а перед глазами все стало кроваво-красным.

«Не смей! – донесся сквозь рев тоненький голосок сознания. – Не поддавайся, борись. Борись, как раньше».

Словно жертва наводнения, он схватился за соломинку своего рассудка, а вокруг бушевал шторм. Затем рев стал затихать, откатываясь куда-то вдаль, превратился в шепот и вот совсем исчез.

Спокойствие снова вернулась к Брюсу – более всепоглощающее, чем только что прошедшая буря. Он открыл глаза, вздохнул и, поднявшись, направился к месту, где стоял Хендри с патрулем.

– Капрал, идите к поезду. Передайте лейтенанту Хейгу и сержант-майору Раффараро, чтобы тотчас явились ко мне.

Капрал ушел. Брюс обратился к Уолли Хендри таким же ровным голосом:

– Я приказал отпустить их.

– Ага, чтобы они побежали домой и всем про нас рассказали – ты этого хотел, пижон? – Хендри уже пришел в себя и теперь говорил с дерзкой ухмылкой.

– И вместо этого ты их казнил?

– Казнил? Ты в своем уме, Брюс? Они же балуба! Людоеды-балуба! – зло закричал Хендри, уже не улыбаясь. – Ты что? Это же война, пижон, война! *C'est la guerre*⁷, как сказал кто-то, *c'est la guerre!* – И вдруг он понизил голос: – Давай это забудем. Я сделал то, что должен был сделать. Ну чего стоят еще двое чертовых балуба после всей этой бойни? Давай забудем.

Брюс не ответил. Он зажег сигарету и, глядя мимо Хендри, ждал, когда к ним придут остальные.

– Ну так что, Брюс? Забудем? – не отставал Хендри.

– Нет, Хендри. Я даю тебе священную клятву и призываю Бога в свидетели. – Брюс не смотрел на Уолли. Он боялся, что убьет его, если они встретятся взглядом. – Вот тебе мое обещание: я сделаю так, что тебя повесят. Не расстреляют, а именно повесят. На добротной пеньковой веревке. Я послал за Хейгом и Раффараро, так что свидетелей будет предостаточно. Первое, что я сделаю, как только мы вернемся в Элизабетвиль, – передам тебя властям.

– Ты что, серьезно?

– Серьезней некуда.

– Черт подери, Брюс...

Появились Хейг и Раффи. Сначала они бежали, но потом резко остановились, в недоумении переводя взгляд с Брюса на два маленьких трупа, лежащих на дороге.

– Что случилось? – спросил Майк.

– Хендри их застрелил, – ответил Брюс.

– Зачем?

– Спроси у него.

– В смысле просто убил их, расстрелял?

– Да.

– Боже, – сказал Майк хриплым от шока голосом, – Боже мой...

– Пойди взгляни на них, Хейг. Посмотри и запомни.

Хейг направился к детям.

– Ты тоже, Раффи. Будете свидетелями в суде.

⁷ Это же война (фр.).

Майк Хейг и Раффи подошли к тому месту, где лежали тела, и остановились, глядя на них. Хендри неуклюже повозил ногами по пыли и продолжил перезаряжать винтовку.

– Да черт побери! – взорвался он. – Что вы раскудахтались! Из-за двух-то балуба.

Майк Хейг медленно повернул голову. Лицо у него пожелтело, только на носу и щеках под кожей слегка пульсировали крошечные вены. Губы побелели. Каждый его вдох отдавался рыданием в горле. Все еще тяжело дыша и не в состоянии вымолвить ни слова, он пошел на Хендри, на ходу снимая с плеча винтовку.

– Хейг! – резко окликнул его Брюс.

– На этот раз ты... ты... негодяй... И это последний... – выдохнул Хейг.

– Осторожнее, пижон! – предупредил его Хендри.

Он отступил, неловко пытаясь засунуть заряженный магазин в винтовку.

Майк Хейг поднес штык к животу Хендри.

– Хейг! – закричал Брюс.

В этот момент Майк атаковал – с удивительным для его возраста проворством, наклонившись и бормоча бессвязные ругательства, которые переросли в оглушающий рев.

– Ну, давай! – ответил Хендри и сделал шаг вперед.

Они сошлись, и Хендри отразил штык прикладом. Острие прошло ему под мышку. Противники столкнулись и под весом Хейга подались назад. Хендри бросил винтовку и обхватил руками шею Хейга, отклоняя его голову назад на нужный ему уровень.

– Майк! Он будет бить головой!

Брюс узнал приготовления к приему, но было уже поздно. Голова Хендри метнулась вперед, и стальная каска пришлась как раз на переносицу Хейга. Майк вскрикнул, отпустил приклад, и винтовка упала на дорогу. Он поднял руки и закрыл ими лицо. Между пальцами текла кровь.

Хендри снова замахнулся головой, как кувалдой, обрушивая сталь на лицо и пальцы Хейга. Майк охнул.

– Коленом его, Майк! – заорал Брюс, пытаясь уловить момент и вмешаться, но противники кружили колесом, и он ничего не мог поделать.

Готовясь к следующему удару, Хендри запрокинул голову и широко расставил ноги. И тут ему в пах со всей силы впилось колено Майка. Рот Хендри раскрылся в беззвучном крике. Уолли согнулся пополам, обеими руками держась за низ живота, и медленно осел на пыльную землю.

Ослепленный болью Хейг, у которого по лицу текла кровь, схватился за брезентовую кобуру.

– Я тебя пристрелю, свинья!

В руке у него голубым отблеском сверкнул пистолет – уродливый, короткоствольный.

Брюс подскочил к Хейгу и, нащупав большим пальцем нервное сплетение на локте, надавил. Пистолет выпал из оцепеневшей руки Майка и повис на ремне, болтаясь у колена.

– Раффи, останови его! – крикнул Брюс, потому что Хендри, пересиливая боль, скреб пальцами по лежащей в пыли винтовке.

– Есть, босс!

Раффи быстро наклонился над скорчившимся телом и, ловким движением отстегнув ремень кобуры, выдернул пистолет. Порвавшийся ремень щелкнул, как бич.

Все замерли: Брюс держал Хейга сзади, Хендри скрючился у ног Раффи. Раздавалось только хриплое прерывистое дыхание.

Брюс понял, что напряжение Майка пошло на убыль и сумасшествие покинуло его. Керри отстегнул его пистолет и бросил на землю.

– Отпусти, Брюс. Все нормально.

– Уверен?

– Да, все в порядке.

– Если опять начнешь, я тебя пристрелю. Понял?

– Да. Я на секунду потерял рассудок.

Брюс выпустил Майка.

Все собрались вокруг стоявшего на коленях Хендри.

– Если ты или Хейг начнете опять, ответите мне головой, – сказал Брюс Керри. – Ты меня слышишь?

Хендри взглянул на него сощуренными от боли глазами и не ответил.

– Ты меня слышишь? – повторил Брюс.

Хендри кивнул.

– Хорошо. С этого момента, Хендри, ты под открытым арестом. Лишних людей у меня нет, конвоировать тебя некому, так что если хочешь – беги. Местное население с удовольствием тебя примет. Они даже устроят банкет в твою честь.

Хендри оскалился, обнажив зубы с грязно-зеленым налетом.

– Помни мою клятву, Хендри, как только мы вернемся...

– Уолли, Уолли, ты ранен? – Андрэ, бежавший от самой станции, упал на колени рядом с Хендри.

– Отвали, отстань от меня, – рявкнул на него Хендри.

Андрэ отпрянул.

– Де Сурье, кто дал тебе право оставить пост? Возвращайся на поезд.

Андрэ неуверенно поднял голову, а затем снова взглянул на Хендри.

– Де Сурье, ты меня слышал? Ступай. Ты тоже, Хейг.

Хейг с Андрэ скрылись за зданием станции, а Брюс снова взглянул на детей. На щеке мальчика были следы крови и шоколада, глаза широко распахнуты в немом удивлении. По трупам уже ползали мухи.

– Раффи, принеси лопаты. Похорони их вон там. – Он указал на аллею кассий. – И поторопись.

Он говорил быстро, боясь, что голос выдаст его чувства.

– Хорошо, босс. Я все устрою.

– Пошли, Хендри, – рявкнул Брюс.

Уолли Хендри, тяжело поднявшись, покорно поплелся за ним.

7

От станции Мсапа состав медленно шел через леса на север. Проплывающие мимо деревья были словно сделаны по образцу – одно к одному, высокие, стройные, изящные. Будучи повторенной миллион раз, красота терялась, превращаясь в скучную, однообразную картину. Над лесом простиралось небо, а разбросанные по нему облака кое-где собирались вместе, готовясь к новой атаке. Лес задерживал жару и влагу, и путешественники покрылись потом, несмотря на ветерок от движения поезда.

– Как лицо? – спросил Брюс.

Майк провел рукой по двум параллельным вздувшимся ссадинам на лбу.

– Да ничего, – ответил он и, подняв голову, посмотрел на платформу, где стоял Уолли Хендри. – Зачем ты меня остановил...

Брюс не ответил. Он тоже глядел на Хендри, который неловко прислонился к борту платформы – похоже, боль еще не отпустила, – и вполоборота разговаривал с Андрэ.

– Дал бы его убить, – продолжал Майк. – Тот, кто может хладнокровно застрелить двух маленьких детей, а потом еще и смеяться...

Майк не закончил, но его кулаки сжимались и разжимались.

– Не твое дело, – сказал Брюс, почувствовав скрытый упрек. – Ты кто такой? Карающий ангел Господа?

– Не мое дело, говоришь? – Майк резко повернулся к Брюсу. – Черт побери, да что ты за человек?! Надеюсь, ты шутишь.

– Я тебе говорю простым языком, что я за человек, Хейг, – ровно ответил Брюс. – Я тот, кто не лезет в чужие дела и не мешает жить другим. Я готов предпринять соответствующие меры, чтобы никто не нарушал законы, предписанные нам обществом. Но и только. Хендри совершил убийство. Согласен, это плохо. По возвращении в Элизабетвиль я обращаю на лейтенанта Хендри внимание тех, кто по долгу службы этим занимается, а вот размахивать знаменами и цитировать Библию с пеной у рта я не собираюсь.

– Все?

– Все.

– Тебе не жалко ребятишек?

– Жалко. Хотя, видишь ли, жалость еще никого не воскресила. А раз это все пустые терзания, то я выключил жалость – детям она уже не поможет.

– Неужели ты не чувствуешь ни злости, ни отвращения, ни ужаса при виде Хендри?

– Нет, – ответил Брюс, снова начиная терять терпение. – Меня разорвет, если я дам волю чувствам, как ты.

– Значит, вместо этого ты с равнодушием и терпением смотришь на такого урода, как Хендри?

– Черт! – заскрежетал зубами Брюс. – Что ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты перестал притворяться мертвым, – взволнованно заявил Майк, начиная терять терпение. – Я хочу, чтобы ты видел зло и боролся с ним.

– Замечательно! Вот прикуплю подержанные доспехи и белого коня, брошу вызов жестокости и равнодушию, похоти и жадности, ненависти и бедности...

– Да я не то... – пытался вмешаться Майк, но Брюс не дал ему возможности. Его красивое лицо потемнело от гнева и солнца.

– Ты хочешь, чтобы я боролся со злом? Придурок, ты что, не знаешь – у него сто голов и на месте отрубленной сразу вырастает еще сто? Зло есть и в тебе, а значит, чтобы его уничтожить, ты должен уничтожить себя.

– Ты трус, Керри! Обожжешь пальчик и бежишь строить себе укрытие из асбеста...

– Я не люблю, когда меня обвиняют в трусости, Хейг. Попридержи-ка язык. Майк замолк, и его лицо смягчилось. Он улыбнулся.

– Прости, Брюс. Хотел тебя поучить...

– Спасибо, – с каменным лицом процедил Брюс. Извинения его не успокоили. – Ты хотел меня поучить, большое спасибо! А чему, Хейг? У тебя какая специализация? «Как стать успешным и счастливым», лекцию читает весельчак Майк Хейг, дослужившийся до лейтенанта черной армии Катанги, – как тебе тема? Или что-нибудь понаучнее: «Использование алкоголя в духовных исканиях»...

– Ладно, Брюс. Все, молчу.

Керри внезапно понял, как глубоко он ранил Майка. Лучше бы промолчал. Однако сказанного не вернуть. Майк Хейг вдруг как-то постарел и поник. Морщины под глазами вмиг стали глубже, а глаза поблекли.

– Да, забавно получилось, – с коротким горьким смешком подтвердил он.

– Переборщил немного, – признал Брюс и добавил: – Наверное, надо было тебе дать пристрелить Хендри. Пустая трата патронов на самом деле, но если уж тебе так не терпится, на, возьми мой. – Брюс вынул пистолет, протянул его Майку рукояткой вперед и обезоруживающе улыбнулся.

Улыбка вышла такой нелепой и такой заразной, что Майк невольно расхохотался. Шутка, конечно, не из лучших, но искорка зажглась, и внезапно они оба зашлись смехом.

Черты Майка разгладились, как тающее масло, он словно помолодел лет на двадцать. Брюс в изнеможении прислонился к мешкам с песком, все еще держа в руке пистолет, и его длинное стройное тело сотрясало от хохота. В этом смехе было что-то лихорадочное, отчаянное, как будто с его помощью они хотели избавиться от вкуса крови и ненависти.

Снизу, с платформ, на них смотрели солдаты и тоже стали подсмеиваться – из солидарности, не замечая болезненной ноты.

– Эй, босс! – крикнул Раффи. – В первый раз вижу, чтобы вы так по-настоящему хохотали.

Эпидемия распространилась: смеялись все, улыбался даже Андрэ де Сурье.

Смех не коснулся только одного человека – Уолли Хендри. Лейтенант стоял, молчаливый и угрюмый, оглядывая всех маленькими, ничего не выражающими глазками.

* * *

Во второй половине дня отряд подъехал к мосту через реку Шек. Автомобильная и железная дороги пересекали реку рядом, но потом разделялись, и шоссе уходило влево. К воде спускались густые заросли колючего боярышника и древовидного папоротника, сквозь которые поднимались огромные деревья, цветущие только на самой верхушке, на солнце.

– Хорошее место для засады, – пробормотал Майк Хейг, окидывая взглядом величественные заросли по обе стороны путей.

– Просто чудесное, – съехидничал Брюс.

Судя по тому, как настороженно вели себя солдаты, было видно, что и они полностью согласны.

Поезд медленно полз сквозь растительность, как стальная змея по кроличьим ходам, и наконец подобрался к реке.

Брюс включил рацию.

– Машинист, останови состав по эту сторону моста. Я хочу осмотреть его, прежде чем доверять ему наш бесценный груз.

– Oui, monsieur.

Глубокая и быстрая река Шек в этом месте была шириной ярдов пятьдесят. После дождей она разлилась, закрыв собой песчаные пляжи по берегам, а вокруг опор моста бутылочно-зеленая вода отчаянно бурлила, смешиваясь с грязью.

– Вроде все в порядке, – высказал предположение Хейг. – Далеко мы от Порт-Реприва?

Брюс разложил перед собой на крыше вагона походную карту и нашел скобки, схватившие извилистую ленту реки.

– Вот где мы. – Он дотронулся до карты и провел пальцем вдоль пунктирной линии железной дороги до красного кружка, обозначающего Порт-Реприв. – Еще тридцать миль – час пути. До темноты успеем.

– А вон Луфирские холмы. – Хейг указал на голубую дымку, только что показавшуюся впереди над лесом.

– Сможем посмотреть на город сверху, – заметил Брюс. – На той стороне Шек течет параллельно гряде, а справа болото – из него берет начало река.

Он скатал карту и отдал ее Раффи, который засунул ее в футляр.

– Раффи, мы с лейтенантом Хейгом осмотрим мост. Смотрите по сторонам.

– Есть, босс. Возьмете с собой пива?

– Спасибо.

Брюсу очень хотелось пить, и он выпил полбутылки еще до того, как слез с поезда на гравийную насыпь. Сняв с плеч винтовку и беспокойно поглядывая по сторонам, они с Хейгом быстро добрались до моста и прошли его до середины.

– Вроде крепкий, – сказал Майк. – Кажется, никто его не ломал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.